

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«ЮЖНО-УРАЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГУМАНИТАРНО-
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»
(ФГБОУ ВО «ЮУрГПУ»)

ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
КАФЕДРА ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ И ПРАВА

Философия истории маркиза де Сада:
открытие «генома» новоевропейского человека

Выпускная квалификационная работа
по направлению 44.03.05 Педагогическое образование
Направленность программы бакалавриата
«История. Обществознание»

Проверка на объем заимствований:
86 % авторского текста

Работа рекомендована к защите
рекомендована/не рекомендована
«30» мая 2017г.
зав. кафедрой отечественной истории и
права
Н.В. Коршуновой Коршуновой Н.В.

Выполнила:
Студентка группы ОФ-505-076-5-1
Горчакова Александра Викторовна

Научный руководитель:
д.и.н., профессор кафедры отечественной
истории и права
Уваров Павел Борисович

Челябинск
2017

Содержание

Введение.....	3
Глава 1. Личность маркиза де Сада в контексте эпохи.....	10
1.1 Основные вехи жизни писателя и социального философа эпохи позднего Просвещения маркиза де Сада.....	10
1.2 Смысловые константы эпохи Просвещения в трудах виднейших мыслителей и степень их влияния на мировоззрение де Сада.....	20
Глава 2. Теоретико-методологический анализ романа маркиза де Сада «Жюльетта».....	36
2.1 Концептуальное содержание текста романа.....	36
2.2 Историко-философский анализ романа с позиций коммуникативной теории исторического процесса.....	52
Глава 3. Аналитические возможности «генома» де Сада в приложении к природе генезиса Нового времени.....	60
Глава 4. Применение темы квалификационной работы в школе на уроках истории.....	73
4.1 Теоретический аспект.....	73
4.2 Практический аспект.....	82
Заключение.....	85
Список источников и литературы.....	87
Приложение	93

Введение

«Оккультное влияние Д. А. Ф. де Сада продолжается уже сто пятьдесят лет. Кажется, что отныне оно из тайного станет более явным. За это мы благодарим Гийома Аполлинера, с удовольствием обнаружившего в божественном маркизе тот модернизм, что двигал самим Аполлинером всю его жизнь. Ему нравилось видеть в Жюстине образ женщины прошлого, а в Жюльетте – современную женщину, которой он столько принес в жертву, что все его творчество посвящено исключительно ей. Теперь пусть невежды свистят в свое удовольствие: Садом буду восхищаться во все времена все те, кто способен наслаждаться прекрасными примерами моральных законов и свободой духа» [2, с. 429] - так французский поэт и писатель Робер Деснос еще в первой четверти XX века отметил одурманивающие чары социально-философских произведений Донасьена Альфонса Франсуа де Сада, известного нам больше как маркиз де Сад. Эта личность, дрейфующая на волне Великой французской революции, довела до сведения западноевропейских просвещенных людей идею максимальной свободы, в том числе и «свободы духа».

XIX век, пораженный искренностью садистских манифестов, обрамленных эротическими скабрёзностями, пылая от смущения, все же предоставил место маркизу на книжных полках столетия: его сочинения отнесли к области литературных курьезов и время от времени издавали небольшими тиражами. Настоящее пробуждение личность де Сада почувствовала в веке XX, после того как мировые катастрофы продемонстрировали шаткость позитивистской идеи непрерывного прогресса, авторы которой стояли на плечах «титанов» эпохи Просвещения. Тогда психология, оформившаяся как наука еще в конце XIX века, возвела в общественный принцип известную мудрость, которой кичатся и современные психологи: «Не можешь изменить ситуацию, измени

отношение к ней». Таким образом постепенно в XX веке отношение к «божественному маркизу» радикально изменилось: почитатели провозгласили его предтечей Ницше и Фрейда, сюрреалисты с восторгом называли его «гением революции», историки попытались взглянуть на него как на «зеркало Французской революции». Де Сад уверенно вошел в интеллектуальную среду XX века: эксцентричная манера письма стала признаком глубокой индивидуальности. После века анафем и проклятий, маркировавших имя маркиза, в 1908 году его открыл Г. Апполинер, подготовивший книгу избранных произведений де Сада и предпославший ей предисловие, в котором писал: «Кажется, настал час, когда эти мысли, которые созрели в густой атмосфере библиотечной преисподней, и этот человек, который, по всей видимости, ни в грош не ставился в течении всего XIX века, буду доминировать в веке XX» [20].

Кровопролитные войны и катаклизмы XX века побуждали людей искать в жестоких сочинениях маркиза ответ на вопрос о природе зла: писатель, обосновавший торжество порока, казался необычайно современным. «Мы оказались внутри исправного функционирования и эффективности садовского тела: от рынка секса до уничтожения тел в концентрационных лагерях модальности наслаждения и страдания приняли с какого-то момента вместо своих обычных форм пароксизмальные формы садовского универсума» [58, с. 435]. Адаптация читателей к описаниям, некогда вызывавшим отторжение, прошла для них совершенно безболезненно за счет постепенного прививания вкуса к легальной порнографии: «На фоне назойливости рекламы виагры и подобных ей препаратов, современный читатель Сада не может не удивляться тому избытку сексуальных актов, количеству семяизвержений, числу партнеров и сложности акробатических фигур, выполняемых либертенами» [58, с. 10]. Сохранились ли, спустя десятилетия, порицаемые де Садом морально-общественные нормы, некогда скрепленные религиозной основой, - актуальный вопрос современности, ведь в рамках идей толерантности,

мультикультурализма происходит переоценка традиционных морально-этических аспектов существования.

С точки зрения научной актуальности, анализ его историко-философских идей (представление об исторической систематике, о логике поведения человека) объясняется немногочисленностью и слабостью научных исследований в данном направлении, которые в основном носят нарративный характер. Существует довольно много работ, посвященных литературному аспекту деятельности маркиза де Сада, психологическому анализу его порнографических отклонений, философским рассуждениям. Ему отдали дань А. Бретон, воспевавший Сада в стихах («Маркиз де Сад отыгрался»), и нашедший у него «волю к моральному и социальному освобождению», П. Элюар, посвятивший в 20-е годы восторженные статьи «апостолу самой абсолютной свободы», Р. Деснос, автор «Свободы или любви», славословящий садические извращения, и другие [20].

Постепенно оценочные статьи стали дополняться серьезными кропотливыми исследовательскими сочинениями о жизни и творчестве де Сада. Писательница Симона де Бовуар отметила, что «желание Сада ухватить саму суть человеческого существования через свою личную ситуацию - источник его силы и его слабости; Сад заставляет нас внимательно посмотреть основную проблему нашего времени: правду об отношении человека к человеку» [6, с. 149]. Наряду с ее работой в исследовании философского наследия Сада в сборнике «Маркиз де Сад и 20 век» присутствуют статьи других иностранных авторов, таких как Жорж Батай, Пьер Клоссовски, Морис Бланшо. Христианин Клоссовски видит в де Саде фигуру, сравнимую с подвижниками, святыми, моральный подвиг которых имеет едва не общечеловеческую значимость. У него Сад концентрирует в себе рассеянные силы своей эпохи, которые оказывают влияние на его судьбу, и от которых он пытается эту эпоху освободить. А «Сен-Жюст, Бонапарт, напротив, сумели выплеснуть на ближних все, что эпоха накопила в них самих» [24, с. 43]. В том же сборнике опубликованы основные даты

жизни Сада, собранные увлеченным его исследователем Морисом Эне – «этот обворожительный, странный и пронизательный человек посвятил свою жизнь памяти Сада».

Огромное значение в деле садоведения приобрел Марсель Энафф и его диссертационное исследование «Маркиз де Сад: Изобретение тела либертена». Энафф ставит читателя перед необходимостью коррекции своего отношения к де Саду, о возможности анализа его произведений вне рамок этического отношения. Он говорит о необходимости, с одной стороны, отстраненного и ироничного прочтения садических текстов, не воспринимая сексуальные безумства и убийства как программу действий. Стоит заметить, что отечественный структуралист Владимир Пропп рассуждает аналогично: «Изображение человека как вещи комично по тем же причинам и при тех же условиях, что изображение его в облике животного» [36, с. 59]. Но с другой стороны, легкомысленность при прочтении есть уклонение от вопроса, какие обстоятельства способствуют появлению столь шокирующих повествований. Марсель Энафф подчеркивает, что мир, сконструированный сознанием одной личности, взявшей за основу идею секуляризованной свободы и безграничной власти природы, это не руководство к действию, а описание последствий доведения этого суждения до крайней позиции: «Возможно, Сад, превзойдя энциклопедическую полноту охвата, завершил классическое мышление самым неожиданным образом, поскольку тот ужас, который творится в его текстах, вовсе не выходит за пределы разума, не оказывается за его гранью, а, на самом деле, является его невероятным расширением, его скандальным продолжением, тем, что неизбежно производит сам разум и что он отчаянно пытается представить как нечто внеположное себе, как свою отвратительную антитезу. Сад совершает непростительное: он принуждает разум признать эту изнанку в качестве конечного пункта его программы и его логики» [58, с. 428].

Количество работ, посвященных маркизу де Саду, стремительно увеличивалось, и на сегодняшний день можно с полным правом говорить о

садоведении - как, к примеру, мы говорим о бальзаковедении, однако, сложно обнаружить систематическое исследование в рамках философии истории. В данной работе мы провели теоретико-методологический анализ концепции маркиза де Сада, а также рассмотрели исторические предпосылки ее формирования.

В нашем историософском исследовании опираться на ранее описанные исторические исследования философии истории маркиза де Сада не представляется логичным, поскольку литературы, которая напрямую была бы связана с авторскими задачами, практически нет. Все крупные русскоязычные исследования по нашей теме могут лишь косвенно способствовать более глубокому и всестороннему изучению концепции интересующего нас исторического деятеля. В то же время мы не сможем назвать ни одного историка, который в точности бы повторил исследовательский эксперимент по привлечению коммуникативной теории исторического процесса к уже устоявшемуся, законченному в своем содержательном виде тексту.

Научная новизна заключается, с одной стороны, в попытке на теоретико-методологическом уровне создать ситуацию прямого эксперимента, сходного с экспериментом в точных науках: «Огромное количество сведений, накопленных наукой об обществе, породило парадоксальную ситуацию: чем больше мы знаем, тем труднее построить теорию исторического развития традиционным в гуманитарных науках методом, т.е. путем обобщения эмпирических данных. Единственным выходом из такой ситуации оказывается коренная эпистемологическая реформа: попытка создать теорию, являющуюся дедуктивным, сугубо логическим построением, возводимым с помощью структурно-генетического анализа хрестоматийно известных фактов, но в то же время – представлением принципиально «слепым», умозрительным, а потому превращающим столкновение с фактами в аналог эксперимента в объективной науке» [11, с. 2]. Имеется ввиду попытка искусственного переложения сравнительно новой

для исторической науки теории на конкретный текстовый источник, описывающий картины социальной действительности. С другой стороны, ведущим методом в рамках эксперимента является коммуникативная теория исторического процесса, которая еще не использовалась для анализа текстов де Сада.

Источниковым основанием для исследования нами был выбран одна из самых объемных и законченных работ автора – «Жюльетта», которая представляет собой готовое экспериментальное пространство, защищенное рамками своих текстовых границ от соблазна на субъективный отбор фактов. Этот аспект подтверждает и новизну исследования, с одной стороны, а с другой – для проведения историко-философского анализа текста была выбрана относительно новая для исторической науки коммуникативная теория исторического процесса.

Еще одним важным источником в нашей работе является XXIV глава «Капитала» Карла Маркса как автора классического социального текста по генезису капиталистической эры. Несмотря на то, что этот текст выполняет вспомогательную функцию, та смысловая нагрузка, которую в себе несет его классический для историографии характер, помогает доказать, что реальные процессы опережают в своем развитии даже самых отвязных авторов.

Целью данной работы является раскрытие генома новоевропейского человека на примере историко-философских работ маркиза де Сада.

Для реализации поставленной цели предполагается выполнить следующие задачи:

1) получить представление об особенностях личности маркиза де Сада сквозь призму биографического сведений, а также оценить их влияние на мировоззрение автора;

2) выявить наиболее принципиальные смысловые константы эпохи Просвещения как влияющий интеллектуальный контекст;

3) охарактеризовать концептуальное содержание текста романа «Жюльетта»;

4) проанализировать авторскую позицию, представленную в рамках выбранного романа, с точки зрения коммуникативной теории исторического процесса;

5) сопоставить основные теоретико-методологические выводы де Сада с социально-культурным контекстом Нового времени.

Объект исследования: историко-философские идеи маркиза де Сада.

Предмет исследования: историко-философские манифестации в тексте романа «Жюльетта» как тизариуса теоретико-методологических воззрений автора.

Исследовательские принципы, которых мы придерживались в нашей работе:

1. принцип историзма, т.е. изучение исторического явления в его реальном контексте и динамике изменения, становления и развития (становление историсофских воззрений маркиза де Сада в конце XVIII – начале XIX века);

2. принцип научной объективности, который заключается в создании максимально объективного оценочного пространства, включающее в себя в том числе ограничение произвольных авторских интерпретаций.

В разной степени используются наиболее устоявшиеся для конкретно исторического исследования такие методы:

1. ретроспективный метод – изучение прошлого с целью выявления причинно-следственных связей развития исторического события;

2. системно-структурный метод – направлен на выявление характера взаимосвязи явлений;

3. сравнительно-исторический метод – сравнение объективно случившихся событий и субъективного взгляда на них (современное состояние общественных морально-этических норм и сконструированной в романе действительности).

Ведущим методом является дедуктивный метод – исследование исторического события от общего к частному, от общей систематики

исторической реальности до интересующего нас её локального сегмента (анализ выбранного текста с точки зрения коммуникативной теории исторического процесса), который выступает в совокупности с методом микроаналитического анализа. Ведущий подход в нашей работе – междисциплинарный (история и историософия).

Глава 1. Личность маркиза де Сада в контексте эпохи

1.1 Основные вехи жизни писателя и социального философа эпохи позднего Просвещения маркиза де Сада

«Религия, понимание природы, общество, государственный строй – все это было подвергнуто самой беспощадной критике; все должно было предстать перед судом разума и либо оправдать все существующее, либо отказаться от него... Все прежние формы общества и государства, все традиционные представления были признаны неразумными и отброшены как старый хлам» [32, с. 16]. Так характеризуют теоретики материалистического понимания исторического процесса К. Маркс и Ф. Энгельс эпоху Просвещения. «Вихрь Ренессанса взбаламутил установившиеся взгляды» [55, с. 21], вступил в открытую конфронтацию с традиционным мировоззрением. Этот характер концентрированного критицизма составляет, безусловно, исходную социокультурную характеристику Просвещения. Это время породило и специальную идеологическую форму социального критицизма – взгляд со стороны обладающего просвещенным умом на первобытную, отброшенную от современных тенденций реальность. За основу был взят разум, наделенный свойствами абсолютной истины. Именно индивидуальный разум противопоставляется коллективному заблуждению, ярчайшим примером которого является с их точки зрения религия. В самом деле, когда просветители пишут о вреде религии, церкви, религиозных заблуждениях, они почти всегда имеют в виду не столько саму религию, сколько ее «власть над умами»: «Разум принципиально требует свободы,

атеизм же в определенные конкретно-исторические эпохи – это апофеоз духовной свободы: на разум, лишенный произвола и зависимый от природы, возлагается ответственность за свои собственные решения» [55, с. 22]. Атеизм был неотъемлемой частью учений эпохи Просвещения: «Если незнание природы породило богов, то познание ее должно их уничтожить... Просвещенный человек перестает быть суеверным» [17, с. 35]. Но даже те, кто отвергал атеизм как «самое большое заблуждение разума» [13, с. 319], как Вольтер, видел в Боге механического регулировщика земных процессов, придя к выводу, что «если бы бога не было, его надо было бы выдумать».

Возвращение к природе стало сосредоточием идеологии Просвещения и одновременно вызовом «старому порядку». Разум не отделим от природы, восхваляемой практически всеми просветителями как источник чувственных данных, питающих сознание. «Слушайте природы, - призывает Гольбах, - она никогда не противоречит себе; трудитесь для своего счастья, откажитесь от религии, уважайте других людей» [17, с. 675]. Религиозный абсолют заменяется абсолютom природным, естественные законы которого вполне способны стать основой нового кодекса справедливости. Согласно Гольбаху, человеческие законы справедливы лишь тогда, когда они соответствуют природным законам, только законы природы «неизменны, всеобщы, не отменимы, только они предназначены везде и всегда определять судьбу человеческого рода» [17, с. 679].

В 1771 году было опубликовано «Путешествие» Л.А. Бугенвилля, первого из французов совершившего кругосветное путешествие и описавшего жизнь первобытных племен на Таити. Эта работа не осталась без внимания просветителей, и вскоре вышло «Добавление» к ней Д. Дидро, в котором он стремится путем сравнительно-исторического анализа выяснить принципы организации истинного человеческого общества. В вымышленном разговоре европейского священника с таитянином Ору раскрывается бессмысленность христианских догматов, с которыми просветители, как известно, связывают невежество и неправильное общественное устройство.

Таитяне так учат европейца: «... обрати внимание на природу вещей и поступков, на свои отношения к ближним, на влияние, оказываемое твоим поведением, на твою частную выгоду и на общее благо. Ты предаешься бредням, если воображаешь, что существует что-нибудь во Вселенной – на небе или на земле, - что можно прибавить или отнять от законов природы» [19, с. 55]. Таким образом, природа в сочинениях представителей новой идеологии мыслилась как абсолютное начало, а разумный индивид – ее великим творением.

В основе всех политических учений и программ Просвещения лежат представления о человеке как о природном, существе, обладающем неотчуждаемыми «естественными правами». Естественными правами каждой личности были объявлены право на жизнь, свободу и собственность – лозунги будущей Великой французской революции. Идеалом человека становится «сын природы», «наделенный здоровыми природными потребностями и здоровым человеческим смыслом, чувством уважения к себе и к другим людям, стремлением к собственной выгоде, тесно связанной с выгодой всех других членов общества» [55, с. 162]. Совсем не случайно в качестве одной из главных воспитательных книг для Эмиля Руссо выбирает «Робинзона Крузо». Хотя Руссо и подчеркивает, что человек, находящийся на необитаемом острове не вполне член общества, но именно с такой «дикости» нужно начинать воспитание ребенка. «Наблюдайте природу и следуйте по пути, который она вам прокладывает» [38, с. 38], - призывает Руссо, нужно, чтобы ребенок «делал лишь то, что требует для него природа, и тогда он не сделает ничего нехорошего» [38, с. 95]; «я оставался бы возможно ближе к природе, чтобы угодить чувствам, которыми она наделила меня, будучи вполне уверен, что, чем больше будет естественного в моих наслаждениях, тем действительнее они окажутся» [38, с. 419]. «Итак, я запер все книги. – Одна только книга открыта всем очам, это книга природы...» [38, с. 369] - вот лозунг Руссо.

Провозгласив природу источником новой морали, просветители также признавали равенство всех членов общества: сходство телесной организации и обусловленных ею физиологических потребностей формируют у просветителей мнение о равноправии в политической и юридических сферах. Все просветители стоят на этих позициях, и Вольтер пишет о том, что «Быть свободным, знать только равных – вот истинная жизнь, естественная жизнь человека; всякая другая – лишь недостойная фальшь, скверная комедия, в которой один играет роль господина, а другой – раба, один – паразита, а другой – сводника. Вы должны признать, что люди могли утратить естественное состояние только по трусости и по глупости» [14, с. 476].

Индивид, наделенный определенным кругом личных интересов и потребностей, объединяется в социальные общности. Отказываясь от некоторой части своих, по природе неограниченных прав, человек действует в конечном счете ради своих собственных интересов. Социальная сущность индивида скрывается здесь за теориями общественного договора, в который, по мысли просветителей, люди вступают, якобы повинувшись требованиям своей индивидуально-эгоистической природы. Достичь гармонии личных и общественных интересов можно посредством воспитания, когда природные, эгоистические порывы будут усмирены рациональными методами, соотнесены с требованиями других людей. Просветители рассуждали механистически, полагая, что результатом воспитания станет приведение в соответствие общественных и индивидуальных интересов. Руссо в этом смысле оказывается настоящим просветителем – он возлагает все надежды на воспитание, чему посвящает романы «Эмиль» и «Новая Элоиза»: «Оставаясь предметом непрерывного спора между моими естественными чувствами, говорящими в пользу общего интереса, и моим разумом, относящим все ко мне, я всю жизнь колебался бы перед этой постоянной альтернативой, делая зло, любя добро и вечно в противоречии с самим собой, если бы новые познания не просветили моего сердца и если бы истина, установившая мои

мнения, не определила бы моего поведения и не привела меня в согласие с самим собой» [38, с. 286].

Деятели эпохи Просвещения рассуждали, что поскольку природа естественна, следовательно, разумна, поэтому воспитание дикого эгоизма возведет его в степень эгоизма разумного. «Мыслители явно злоупотребляли столь часто проводившимся различием между физическим человеком и человеком духовным, - пишет Гольбах. – Человек есть чисто физическое существо; духовный человек – это то же самое физическое существо, только рассматриваемое под известным углом зрения, то есть по отношению к некоторым способам действий, обусловленным особенностями его организации. Но разве эта организация не есть дело рук самой природы?» [17, с. 60] - «Все, что мы делаем или мыслим, все, чем мы являемся и чем мы будем, всегда лишь следствием того, чем нас сделала всеобъемлющая природа» [17, с. 60]. Таким образом, природа наградила каждого человека «естественными», а значит «разумными» свойствами, и процесс воспитания нужно выстраивать соразмерно другим, то есть в ориентации на всеобщее самоограничение. В более позднем варианте подобные идеи оформятся в теорию личности Зигмунда Фрейда, согласно которой, индивид, изначально наделенный естественным, примитивным компонентом «Ид», в социуме постепенно приобретает черты «Эго» и «Суперэго», которые держат в рамках инстинктивные начала и ориентируются, в том числе, на интересы других членов общества. По мысли просветителей еще в XVIII веке социальным лифтом от состояния дикости до состояния цивилизации служило воспитание. «Воспитание – это искусство, состоящее в том, чтобы заставить людей усвоить в юном возрасте, то есть когда их органы очень гибки, привычки и взгляды, образ жизни, принятые в том обществе, в котором они будут жить... Люди, занятые нашим воспитанием, обучают нас применению этих опытов или развивают в нас разум» [17, с. 170], - пишет Гольбах. Только природой измеряется необходимость поступков человека, в том числе и

основанных на взаимном уважении субъектов общественных отношений, сплотившихся ради гарантии совместного и индивидуального счастья.

Таким образом, рационализм как особенность мировоззрения представителей Просвещения был выражен в простой формуле «законы природы суть законы разума». «Человек, следуя законам природы, может и должен стать счастливым: его желания счастья себе соответствуют законам природы. Природа была бы «противоразумной», нелепой, абсурдной, если бы она обрекала свои творения на одни лишь мучения, но этого нет. Она разумна, ибо разум людей приемлет ее законы, одобряет их, рано или поздно следует им, и в конце концов в действиях всех людей они берут верх» [34, с. 198]. Отсюда стремление сделать природные законы также и обязательными юридическими законами.

Понимая природу человека механистически, теоретики Просвещения, и прежде всего Гольбах, вывели законы жизни: «Первый из них - это общий принцип эгоизма в человеческой жизни. В соответствии с законом инерции каждое существо стремится сохранить свое существование, причем это эгоистическое стремление повсеместно и совершенно естественно. Второй закон обрисовывает способы реализации первого: в соответствии с принципами гравитации, а также действия и противодействия люди «притягиваются» к тому, что для них полезно, и «отталкиваются» от того, что им вредно. Если развить это положение дальше, то оказывается полезным приносить пользу окружающим людям, чем оправдывается и на что опирается разумный эгоизм» [34, с. 250]. Усмиренный разумом природный эгоизм индивида должен был вступать в социальные отношения на взаимовыгодных основаниях, что и являлось новой, правильной основой морали. Считая, что «...себялюбие есть единственное основание, на котором можно построить фундамент полезной морали» [16, с. 132], Гельвеций, например, строит свою этику, как Локк и Гольбах, утилитаристски, выводя из эгоистического стремления к удовольствию все побуждения и моральные качества людей.

Век Разума внес значительный вклад в развитие общественной мысли: естественнонаучные открытия, строгий рационализм, либеральные лозунги, двинувшие с места всю новоевропейскую цивилизацию, материалистическое понимание действительности, чему отдавали должное впоследствии теоретики марксизма, и наконец-таки прочное обоснование лучшими умами деистических и атеистических воззрений. «Просвещение -- это выход человека из состояния своего несовершеннолетия, в котором он находится по собственной вине. - рассуждает Кант. - Но более возможно, и даже почти неизбежно, что публика сама себя просветит, если только предоставить ей свободу» [23, с. 29]. Свобода понималась не столько в социально-политическом ключе, сколько морально-религиозном: революция разума, ниспосланного благочестивой природой, против многовековых заблуждений «несовершеннолетия». Утверждение Декартом суверенитета мыслящего субъекта, принимающего или отвергающего что бы то ни было единственно на основании своего собственного усмотрения, было прямым следствием утверждения суверенитета верующего субъекта Лютером.

XVIII век создавал новое мировоззрения, новый тип личности. Примером такой личности является французский аристократ, политик, писатель Донасьен Альфонс Франсуа де Сад, который аккумулировал идеи просветителей и представил их в легкодоступной форме романов и пьес. Сад испытал на себе несомненное влияние интеллектуального антуража эпохи; в его эссе «Мысль о романах» мы находим восторженные отзывы о Вольтере, Руссо, Ричардсоне, Филдинге, аббате Прево, хотя, конечно, никого из них не заподозрить в близости идеям самого Сада. Среди писателей прошлого Сад особенно выделяет Сервантеса с его «бессмертным трудом, известным по всей земле, переведенным на все языки, который должен считаться первым среди всех романов» [20]. В качестве автора, принадлежавшего эпохе Просвещения, Сад в своих романах конструирует реальность фривольного европейского общества. «Просвещенный» человек стремится окончательно разрушить религиозные мифы, обращаясь к разуму как к единственному

критерию познания человека и общества. Формулировка «естественное право» превратилась в клише наряду с понятием «свободы», «равенства», «гражданского общества»: «Поскольку люди, как уже отмечалось, естественно свободные, равные и независимые, то никто не может быть выведен из этого состояния и покорен политической власти другого без своего личного согласия» [28]. Сад в рамках новой либеральной философии был человеком своего времени. Г. Аполлинер, «открывший» Сада, высказался о нем как о «самом свободном из когда-либо существовавших умов».

XVIII век как век Просвещения, породивший маркиза де Сада, не был готов признать в нем достойного просветителя: его считали непристойным писателем, автором гнусных порнографических романов, названных «эталоном безобразия». Однако стоит иметь в виду, что Сад представлял идеальное общество сходно мыслям просвещенных умов Франции: подобно Вольтеру он мечтал об установлении республики, в которой каждый человек будет подвластен исключительно законам природы. Принцип «естественного человека» у де Сада аналогичен рассуждениям Вольтера: «Природа говорит людям: «Я породила вас всех слабыми и невежественными для того, чтобы некоторое весьма короткое время вы прозябали на земле и удобряли ее своими трупами. Так как вы слабы - помогайте друг другу; так как вы невежественны – просвещайтесь и будьте терпимы друг к другу. Если бы у вас всех было одинаковое мнение, чего, конечно, никогда не случится, и если бы лишь один человек имел противоположное мнение, то вы должны были бы его простить, ибо это я заставляю его думать таким образом. Я дала вам руки для того, чтобы обрабатывать землю, и маленький проблеск разума для того, чтобы управлять вами; я вложила в ваши сердца зародыш сострадания для того, чтобы вы помогали друг другу переносить жизнь. Не заглушайте этот зародыш, не портите его; знайте, что он божественный, и не подменяйте голос природы презренной яростью схоластики» [56, с. 165]. Идея отрицания Бога и пренебрежение всеми религиозными установлениями освобождает

место упомянутому ранее «рациональному эгоизму», который способен мотивировать отдельную личность не противопоставлять свои личные интересы общественным: «Невозможно, — считал Вольтер, — чтобы общество могло образоваться и существовать без любви человека к самому себе, подобно тому как невозможно производить детей без вождения и думать о пропитании без аппетита. Любовь к нам самим — это основа любви к другим; мы полезны человеческому роду через наши взаимные потребности, — это основание всякого общения, это вечная связь людей. Без любви человека к себе не было бы изобретено ни одного ремесла и не образовалось бы общество даже из десяти человек. Любовь к себе, которую каждое животное получило от природы, учит нас уважать любовь, которую испытывают к себе другие» [26, с. 109]. Садовский эгоист более рационально рассматривает расправу с теоцентризмом - суверенная личность, повинующаяся воле естества: «Истинный атеист не привязывается ни к какому предмету, он следует своим побуждениям, вечному движению природы, творения которой в его глазах лишь пена» [25, с. 32]. Отсюда явно следует афоризм де Сада: «Нас возбуждает не объект похоти, а сама идея зла» [25, с. 25].

Настойчивая борьба Вольтера против «презренной ярости схоластики» низвергает церковь и все сопутствующие религиозные догматы, возводя на ее место новое божество – природу. В тексте де Сада, который стал причиной и предметом исследования, природа аналогично является первопричиной всего сущего. «Что же такое бог? Это абстракция, слово, придуманное для обозначения скрытой силы природы... По правде говоря, поклоняться богу – значит поклоняться вымыслу, созданному человеческим воображением, или попросту поклоняться тому, чего нет» [56, с. 576] – так суверенный человек, наделенный от природы волей и разумом, окончательно избавляется от цепей суеверия, компенсируя упраздненный абсолют в лице Бога абстрактной «природой», сущность которой также не поддается рациональному объяснению. Просветители персонифицируют природу, наделяют ее креативным сознанием, высшим разумом, активной волей, вкладывая в ее

уста собственные рассуждения об устройстве мироздания. Человеческий разум – волеизъявление природы, следовательно, все рациональное, подвергнутое критике разума – естественное. Социальные регуляции, согласно представлениям Вольтера, осуществляются благодаря мыслительным операциям, в результате которых индивид осознает рамки своей свободы. Амплитуда свободы «от» (морали, религии) и свободы «для» приобретает размах в текстах де Сада: способность человека самостоятельно определять жизненные траектории без высшего ориентира, основанного на иррациональном свойстве человеческого сознания – вере, не обязывает учитывать интересы других субъектов, возводя их тем самым в ранг объектов эгоцентристского интереса отдельной личности. Иными словами, герои произведений маркиза де Сада наиболее честно и разумно используют атеистический принцип, принятый за аксиому: делать то, что нравится, и получать от этого наслаждение, не взирая на чужие интересы.

Эпоха Просвещения на штыках французских солдат преподнесла миру идею всеобъемлющей власти «царства разума». Историческое прошлое рассматривалось как эра величайших заблуждений, как следствие обмана народа священнослужителями. Создание нового типа человека поручалось просвещенным лицам, которые посредством воспитания будут прививать вкус к рациональным суждениям. Подобная упрощенная механистическая схема стала основой последующих концепций, в том числе материалистического понимания истории К. Марксом и его последователями. В. И. Ленин писал: «Бойкая, живая, талантливая, остроумно и открыто нападающая на господствующую поповщину публицистика старых атеистов XVIII века сплошь и рядом окажется в тысячу раз более подходящей для того, чтобы пробудить людей от религиозного сна, чем скудные, сухие, не иллюстрированные почти никакими умело подобранными фактами, пересказы марксизма, которые преобладают в нашей литературе...» [56, с. 5]. Именно среда просвещенческих идей оформила эпатажного и революционно настроенного в плане морали и

нравов представителя своего времени как маркиз де Сад, вооружила его основными постулатами, руководствуясь которыми, он оформил в своих литературных трудах пространство грядущей реальности: «Сад не нападал на философов Просвещения... он только еще дальше продлил луч Просвещения, оказавшись его самой крайней точкой» [2, с. 117].

1.2 Смысловые константы эпохи Просвещения в трудах виднейших мыслителей и степень их влияния на мировоззрение де Сада

Чтобы понять развитие «свободной личности» де Сада, оценить его психофизиологическую природу как результат сознательного этического выбора необходимо располагать точными сведениями биографического характера. Основной интерес составляет не аномальность натуры скандального писателя, а причины, по которым его странные вкусы приобрели черты принципа, составив, таким образом, его оригинальность. О его детстве известно мало деталей, в том числе и об отношениях с родителями, что, возможно, облегчило бы поиск зачатков «садистской» философии. На свет будущий маркиз де Сад появился 2 июня 1740 в Париже на улице Конде как Донасьен-Альфонс-Француа де Сад. Отцом его был Жан-Баптист-Жозеф-Француа граф де Сад, королевский наместник в провинциях Бресс, Бюже, Вальморе и Жэ, посланник при дворе кельнского курфюрста (впоследствии посол в России). Старший де Сад в чине молодого офицера-аристократа не часто участвовал в военных действиях, хотя по служебной лестнице продвигался без промедления: «После того, как он был введен своими родственниками Симианами в общество Версаля (а ему шел тогда двадцатый год), он увлекся сражениями иного рода: интригами, любовными

приключениями, состязаниями в остроумии» [2, с. 214]. Его увлечения литературой было сильным, но он не публиковал своих произведений, отдавая все силы политической карьере. Тем не менее, он имел возможность завести дружественные связи с Вольтером, постоянно восхищаясь его талантом, завести переписку с Шарлем де Монтескье. Мать Донасьена – Мари-Элеонора де Майе-Брезе де Карман – фрейлина принцессы де Конде, которой она приходилась к тому же родственницей. К моменту рождения Донасьена ее занимали больше мысли о малолетнем принце де Конде и о здоровье Каролины Шарлотты. На ней лежало тяжкое бремя исполнения обязанностей первой фрейлины двора принцессы, предусмотренных этикетом.

Рождению мальчика придали большое значение его отец и дядя, увлекавшиеся популярными в эпоху Просвещения идеями воспитания человека нового типа. На второй день жизни мальчика окрестили в расположенной неподалеку от Отель де Конде церкви Сен-Сюльпис местным викарием Ле Ваше. После рождения Донасьена, его отец на 2 года отбыл в дипломатическую миссию, по возвращению из которой только ухудшилось его положение при дворе. В августе 1744 Граф решил совершить поездку в Прованс и взял с собой четырехлетнего сына. Вскоре отец снова уехал на север, а Донасьен остался в Лангедоке в замке Ла-Кост у своей старой бабушки: «Я был послан в Лангедок к бабке, чья слепая нежность вскормила все мои недостатки» [2, с. 38].

С 1745 по 1750 Донасьен-Альфонс-Франсуа находится в городе Соман в доме аббата д'Эблей, своего дяди по отцу, который взял на себя первоначальное обучение мальчика. Кумиром Аббата был Франческо Петрарка. Именно пример Петрарки, имевшего сан священника, но так и не отслужившего ни одной мессы, стал для Аббата моральным оправданием его более чем пренебрежительного отношения к церковным обетам и своим должностным обязанностям настоятеля. «... Мальчику повезло, он рос рядом

с любимым дядей, писателем и историком, поэтом в душе, человеком пусть грешным, но добрым и заботливым» [2, С. 66].

Осенью 1750 года Жак-Франсуа Амбле увез 10-летнего Донасьена в Париж. Юному де Саду предстояло учиться в колледже Людовика Великого под настоятельством аббатов-иезуитов. В колледже д'Аркур было неплохо поставлено преподавание литературы и поощрялось увлечение театром. В колледже ежегодно присуждали премии лучшим участникам спектаклей. Имя де Сада в списки награжденных не попало, и это кажется странным, если учесть, что театр станет основной из главных страстей его жизни. В это же время аббат де Сад знакомит его с мадам де Сен-Жермен, которая впоследствии станет Донасьену второй матерью и с которой он будет вести многолетнюю переписку.

Граф де Сад прочил сыну великолепную военную карьеру, поэтому отправляет документы в подготовительную Школу кавалерии, преданную полку рейтар королевской гвардии. Школа была приписана к версальскому гарнизону, и торжественные построения кадетов иногда проходили с личным участием короля. Феодалное государство стремилось исключить доступ в Школу всех не принадлежащих к родовой аристократии. Аббат де Сад по просьбе брата подготовил сертификат, предоставляющий такие родословные права. Спустя полтора года учебы в кавалерийском училище его направляют в чине младшего лейтенанта для прохождения службы в Королевском пехотном полку. А летом 1756 года началась война, которой суждено было продлиться семь лет.

Юный Донасьен получил боевое крещение в самом начале военных действий. Ему довелось участвовать в атакующих действиях против хорошо укрепленной вражеской крепости Порт-Маон. За годы Семилетней войны ему довелось участвовать в общей сложности в шести значительных военных кампаниях, хорошо ознакомившись с немецкой местностью и языком. Ему присваивается звание корнета карабинеров (14 января 1757 года) и затем капитана Бургундского кавалерийского полка (21 апреля 1759 года).

В годы войны отец то и дело приезжал к нему, стремился свести знакомство с его начальниками, проявляя чрезвычайный интерес к приятелям сына, устраивал ему отпуска с отдыхом в Париже. Графу представлялось абсолютно естественным, что в периоды отпусков сын ищет общества доступных женщин, но при этом старался сделать разгул контролируемым, ведь письма-покаяния Донасьена утешали Графа с каждым разом все меньше и меньше. «Многие проступки, совершенные мной в Париже, и то, как я обращался с горячо любимым отцом, побудили его задуматься о том, стоило ли вообще брать меня туда. Я уже наказ собственными угрызениями совести за то, что так его расстроил, и страхом утратить его доброе расположение. От тех удовольствий, к которым меня тянуло, теперь не осталось ничего, кроме глубокого огорчения за причиненную неприятность добрейшему из отцов и лучшему из друзей...» [2, с. 112] - так писал Донасьен дяде, верно рассчитав, что письмо попадет в руки отца.

15 марта 1763 года Сад уходит в отставку в чине кавалерийского капитана. Всеобщее разочарование офицерства в итогах войны не могло пройти бесследно и для кавалерийского капитана де Сада. Он всегда держался в курсе литературных новостей, читал сатирические эпиграммы. Отец Донасьена был обеспокоен, что все старания устроить сыну блестящую карьеру за счет некогда крепких связей с влиятельными людьми Парижа не приносили плодов. Вариант выхода из сложившейся ситуации был подсказан знакомым Графа: женить Донасьена на своей родственнице – Рене-Пелажи Кордые де Лонэ де Монтрей, чьи родители были весьма состоятельными людьми. 17 мая 1763 года в церкви Святого Роха с благословения короля, королевы и королевской семьи совершилось бракосочетание между маркизом де Садом и Рене-Пелажи, старшей дочерью господина де Монтрей, президента налоговой палаты. Устроенная Графом свадьба была взаимовыгодной для обоих семейств, однако, при всей внешней учтивости родителей невесты к своему зятю, отношения между Донасьеном и де Садом старшим были натянутыми.

В первые месяцы после женитьбы у молодого маркиза водились немалые деньги. Он мог позволить себе снимать двухэтажный «домик» в Париже на улице «Муффтар», «домик» в предместье Парижа Аркёй и квартиру в Версале. Обширная недвижимость давала возможность вести скрытную жизнь, позволяя себе компрометирующее поведение. Так, женившись в мае, Сад уже в октябре был арестован и заключен в башню Венсенского замка. Причина ареста была, по-видимому, достаточно серьезной, потому что Сад слал многочисленные письма начальнику тюрьмы, умоляя держать ее в секрете, иначе вся его жизнь будет непоправимо испорчена. Это обстоятельство заставляет предполагать, что эротизм Сада уже принял весьма эпатажную форму, тем более, что спустя год инспектор Марэ разослал письменное предупреждение содержательницам публичных домов о нежелательности маркиза в качестве клиента.

Семейные обстоятельства (беременная Рене) и покаяние перед священником заставили короля поверить покаяниям Донасьена, учредив, правда, полицейский надзор за ним и запретив ему въезд в столицу вплоть до особого распоряжения. Молодой муж вновь вживался в роль примерного семьянина: много читал, совершал прогулки, рассказывал о своем желании ставить спектакли. Увлечение театральным искусством не оставалось без результатов – де Саду удалось поставить пять пьес: «Неожиданное возвращение» Реньяра, трехактную комедию в прозе «Адвокат Патлен», небольшую стихотворную пьесу «К счастью», лишь незадолго до этого представленную французским театром, а также большую пятиактную пьесу в стихах «Злой человек» и комедию Вольтера «Нанина, или Побезденное предупреждение».

В 1764 де Сад наследует место королевского генерального наместника в провинциях Бресс, Бюже, Вальроме и Жэ при парламенте Бургундии, принадлежавшее ранее отцу. Немногим позже из донесения полицейского инспектора Марэ, осуществлявшего полицейский надзор за Донасьеном

после его первого заключения, мы видим, что попытки вести прилежную жизнь не увенчались успехом: «Я бы настоятельно советовал г-же Бриссо, не вдаваясь притом в подробные объяснения, отказывать [маркизу де Саду], если тот потребует у нее девицу легкого поведения для забав в доме свиданий» [2, с. 149]. И уже буквально на следующий год он пятнает свое имя тайной связью с танцовщицей Бовуазен, которую выдал за свою жену, перебравшись в поместье Лакост. Законную супругу родители отправили в Эшофур, куда скорее отправился и сам маркиз, преследуемый кредиторами и слегка поднадоевшей пассией. Жизнь на две «семьи» была прервана имущественным вопросом: 24 января 1767 скончался граф де Сад. Донасьен наследовал сеньориальные права в Лакосте, Мазане, Сомане и земле Ма-де-Кабак вблизи от Арля.

В середине апреля того же года маркиз получает приказ о назначении его капитаном полевой кавалерии и предписание выехать к месту прохождения полевой службы. Вступив в переговоры с командиром части, он принимает решение под благовидными предложениями уклониться от исполнения воинской обязанности.

Он уделяет много внимания реконструкции замка Лакост и устройства в нем театрального зала со сценой, а также парка и насаждению фруктовых деревьев. Его преследует мечта ставить в замке оперные и драматические спектакли, мечта о реализации себя как художника слова.

27 августа 1767 года у него родился сын Луи-Мари граф де Сад. Пополнение в семействе не остужает разгульный нрав маркиза, что мы видим из донесений инспектора Марэ: «Вскоре мы снова услышим об ужасных поступках графа де Сада, который всячески старался уговорить девицу Ривьер из Оперы стать его любовницей, предложив ей за это двадцать пять луидов в месяц. В свободные от спектакля дни она должна была проводить время с де Садом в его доме для увеселений в Аркее. Помянутая девица ответила отказом». Маркизу нравилось пребывать в роли режиссера спектакля, главные роли которого принадлежали обнаженным девушкам.

Инспектор был обеспокоен таким поведением своего подопечного, предсказывая скандал, которому суждено было состояться 3 апреля (Святая Пасха). В девять часов утра на площади Виктуар маркиз де Сад, «одетый в серый сюртук, с охотничьим ножом на поясе и с тростью в руке... встречает некую женщину в возрасте около тридцати шести лет. Женщину эту звали Роза Келлер. Она согласилась сесть в фиакр вместе с маркизом, который привез ее в свой дом в предместье Аркей. Там, принудив Розу раздеться, маркиз неоднократно избивал женщину плетью с узелками на концах. Затем он натер пострадавшие части тела мазью, в состав которой входил белый воск, предложил исповедовать ее и, принеся Розе завтрак, запер ее в комнате на два оборота. Однако же женщине удалось выпрыгнуть в окно. Оглашая предместье громкими стенаниями, она отправилась в полицейский участок, где и подала крайне преувеличенную жалобу» [30, с. 214]. Положение спасли влиятельные люди города, доверенные лица семейства де Монтрей. Они смогли сторговаться с Розой, которая потребовала за свой «моральный» ущерб 2400 ливров.

Несмотря на отказ Розы Келлер от своих претензий, инспектор Марэ, выполняя приказ уголовного суда Ля Турнель, забирает Сада из замка Сомюр с тем, чтобы поместить его в крепость Пьер-Ансиз, неподалеку от Леона. В ходе дальнейшего судебного разбирательства защитникам маркиза удалось отстоять право на королевское помилование, так что Саду присудили лишь штраф в 100 ливров. «В комнате аркейского «домика» разыгралась уродливая драма личности, мучительно искавшая пути своей реализации и глубоко, всей своей незаурядной силой презиравшая другую личность, которая жаждала лишь заработка, покорную рабу со всеми недостатками, что присущи рабскому сословию» [2, с. 187].

Факты непорядочной по аристократическим меркам жизни имеют не только информативную ценность, но и связаны с очень важным моментом: в самом начале самостоятельной жизни Сад получает прямое свидетельство того, что его личные удовольствия практически несовместимы с жизнью

общественной. Почести и привилегии, дарованные ему происхождением, требовали свободы проявления воли, которая, по всей видимости, выражалась в обнажении человеческих инстинктов: «Потомки идущего к упадку класса, некогда обладавшего всей полнотой реальной власти, они пытались символически, в обстановке спальни, воскресить статус суверенного феодала-деспота» [6, с. 137].

После освобождения маркиз вновь вернулся к своему театральному увлечению, отправившись в путешествие по Голландии с целью обретения новых художественных образов. Вернувшись в Ла-Каст, он полностью окунулся в театральную жизнь, вновь влезая в долги. Тяга к «публичной» жизни обращала его в неистовое распутство, в котором его актерские таланты разыгрывались с большим азартом. После нового судебного разбирательства, основанием которого стало отравление проституток «неизвестным ядом», маркиз скрывается в Шамбери, где он высидел меньше месяца, отправив письмо госпоже де Монтрей. По ее настоятельным просьбам маркиз был арестован вместе со своим слугой и отправлен в Миоланскую крепость. «Президентша просила сохранить в тайне имя арестованного и содержать его в заключении как графа де Мазана» [2, с. 195]. Временная изоляция зятя была необходима с целью разрешить вопрос причитавшихся ему имущественных владений в свою пользу, видимо, в качестве принесенного морального ущерба всему ее семейству со стороны маркиза.

Заключение было непродолжительным: спустя 4 месяца маркиз бежит из Миоланской крепости со своим лакеем Латуром. Бегству помогала мадам де Сад, которая уже давно находила в окрестностях Миолана, вопреки велению матери. Настала пора нового заключения: супруги заперлись в замке Ла-Кост, предаваясь всевозможному разврату, режиссируя спектакли-оргии. Подобный образ жизни не мог долго оставаться тайным, и вскоре де Сад вновь бежит из Франции, только теперь уже на территорию соседствующей Италии. Как он скажет потом устами дорогой ему Жюльетты, возникла

необходимость «воздвигнуть Альпы между собой и гневом всемогущего министра». Он сообщил супруге в Прованс о том, что ему удалось увидеть папу. В Авиньоне это сообщение истинные католики восприняли как знак поворота маркиза на путь истинно веры, в то время как сам маркиз мечтал обрести в папе законченного либертена и мысленно наделял его своими собственными взглядами.

Саду были присущи черты ренессансного человека, и поэтому он так сильно привязался к Италии: там для него оказалась благоприятная среда. «Он был наследником духа и, чего сам не исключал, крови Петрарки; усердным читателем Вергилия; ... он был гуманистом в том смысле, что, как и многие деятели культуры Ренессанса, отверг религию и на место Бога поставил земного человека, и прежде всего самого себя; он отчетливо разделял в человеке верх и низ, Разум и Природу; наконец, он с истинно ренессансным высокомерием и презрительной жестокостью отметал все, что мешало абсолютной реализации его интеллекта и тела» [2, с. 201-202].

Смерть графини де Сад привела его в Париж в первых числах февраля 1777 года. Когда Сад открыто объявился в столице, к тому же в сопровождении нового юного увлечения, мадам де Монтрей настояла на изложении дела маркиза лично новому королю. Инспектор Марэ арестовал де Сада, который продолжил свое пребывание на французской земле в стенах Венсеннского замка, где порядки были намного строже, нежели миланские. Оттуда он пишет письма жене, умоляя ее использовать все возможности некогда знатного имени и добиться замены заточения на высылку из страны. Через год он ломает свою гордость и пишет непосредственно мадам де Монтрей: «Да, мадам, это то самое сердце, которое вы лишаете надежды, которое вам нравится страшно мучить из одного только упрямого желания скрыть от меня мой приговор; это, говорю я, то самое сердце, изнуренное до предела, вот оно перед вами, и все еще шлет обещания столь же искренние, как и страдания, которыми вы разрываете его на части...» [2, с. 224].

Условия существования не позволяли де Саду мечтать о полноценной интеллектуальной деятельности, оставляя только право писать супруге редкие письма, которые проверялись перед отправкой. Когда тюремная цензура по отношению к маркизу немного ослабла, он стал проводить целые дни за столом, писал множество посланий, поручений, а с 1782 года трудился над пьесами и романами. В этом году были завершены «Неизданное размышление» и «Диалог между священником и умирающим». Вскоре он начал работу над романом «120 дней Содома», который он завершит в течении 37 дней [24, с. 220].

Двадцать девятого февраля 1784 года маркиза переводят из Венсенна в Бастилию. Восьмого июля 1787 года он завершил 138 страниц повести «Несчастья и добродетели» и на полях последней страницы дописал: «У меня постоянно очень болели глаза, когда я это писал». В первой половине марта 1788 года Сад начал и в одну неделю завершил еще один общепризнанный шедевр - повесть «Эжени де Франваль». В начале 30-х годов XX века Пьер Клоссовски создал инсценировку этой повести под названием «Замок Вальмора». Завершив рукопись «Коротких историй, новелл и фаблю», Сад составляет «Систематический каталог» своих трудов. Историчное стремление к упорядочиванию действительности прослеживается и в романах Сада, где каждой оргии присуждается порядковый номер, ведется подсчет участников данного действия, составляются геометрические комбинации из тел мужчин и женщин.

«Наступило роковое лето 1789 года... Днем 2 июля Сад просунул в окно своей камеры длинную трубу, расширяющуюся с одного конца и служившую при уборке для слива нечистот в канал, и стал выкрикивать через нее патриотам, собравшимся по другую сторону канала, призывы освободить заключенных, а затем произнес речь, наполнив ее леденящими душу подробностями зверств над несчастными» [2, с. 236]. Речь к народу 2 июля стоила Саду девять месяцев дополнительного заключения в Шарантоне, и при переезде ему запретили захватить с собой наиболее важные книги и

рукописи, среди которых, в частности, находилась и рукопись романа «120 дней Содома». В ходе взятия Бастилии комната Сада подвергается ограблению, причем многие бумаги выбрасываются или уничтожаются.

«Святая пятница 2 апреля перенесла Сада в мир, совершенно непохожий на тот, который он покинул в 1778 году, оказавшись в камере Венсенна. Этот прекрасный новый мир несомненно имел такие таинственные связи с тем, который маркиз создавал в своих фантазиях. Но его ли призывал маркиз 2 июля 1789 года из башни Свободы?» [2, с. 238]. Постепенно обновляющаяся система власти во Франции предоставила свободы многим заключенным благодаря вышедшему от ее имени декрету об отмене «*letter de cachet*» именно 2 апреля 1790 года. Маркиза, столь верно служившая ему многие годы его заключения и мытарства, отказалась принять супруга, заперевшись в монастыре Сент-Ор. Она провела незримую границу между собой и Донасьеном именно в период Великой революции. Рене стала задумываться о разводе и 9 июня добилась решения суда о раздельном проживании с мужем с необходимостью выплаты полной суммы полученного при заключении брака приданного.

Несмотря на то, что после выхода из мест заключения свободы он утратил прежнюю физическую форму, степень женского внимания не иссякала, возбуждаемая слухами и сплетнями вокруг скандальной фигуры маркиза. В конце августа 1790 года Сад познакомился с актрисой Мари-Констанс Ренель по прозвищу «Душенька». Сад, поддерживающий дружеские отношения с литератором и актером Бутэ де Монвелем, рассчитывая через него облегчить себе доступ в мир театра, читает перед группой Комеди Франсэз пьесу «Доверчивый супруг». В сентябре это творческое объединение единогласно принимает к постановке пьесу «Софи и Дефран, или Мазантроп из-за любви» [24, с. 221].

Где-то на полтора-два года путеводным маяком Сада стал дом графа Станисласа де Клермон-Тоннера, 30-летнего политического деятеля с блестящим, как полагали многие, будущим. Политическая ориентация нового

авторитета была далека от идей Марата, Эберта, Робеспьера. Его идеалом была конституционная монархия, в которой аристократия занимала устойчивое превосходящее положение. Хотя утверждать, что маркиз сделал аналогичный своему покровителю политический выбор, нет оснований, ведь он сам обозначил свое видение политических событий разъяренной Франции как «беспристрастное». Через некоторое время его увлекла революционная риторика, которой он баловался, посещая собрания секции Вандомской площади. Ему даже удалось приватизировать всю сферу, связанную с культурной политикой. Это был способ примирения с революцией, приспособления к ней. Он написал в Прованс Гофриди: «Я антиякобинец и страшно ненавижу якобинцев; я обожаю короля, но я осуждаю прежние злоупотребления; многие статьи конституции мне нравятся, другие меня возмущают. Хочу, чтобы благородным людям вернули их блеск, потому что, если отобрать его, это ни к чему не приведет» [2, с. 234].

Его творческая жизнь проходила с таким же успехом: в 1791 году была опубликована «Жюстина, или несчастья добродетели», ставшая объектом нашего исследования как вполне законченный полновесный источник, отражающий авторскую картину мира. «Открывая первый том, читатель видел фронтиспис работы художника Шери, изображающий Добродетель между Сладострастием и Безбожием. Имя автора книги не указывалось. Место издания - Голландия, издатель - Общество книготорговцев». Пик популярности Жюстины пришелся на 1795-1800-е годы, но с приходом к власти Наполеона книга подверглась суровым гонениям и стала библиографической редкостью.

Возвращаясь к его политической жизни, стоит отметить, что Сад не остался равнодушным к «Вареннскому кризису», осудил короля, как и многие другие. Черeda «предательств» преследовала его: через несколько месяцев в Германию эмигрировал сын де Сада – Луи-Мари, обосновавшись там с целью накапливать контрреволюционные силы. К этому добавилась печальная мысль о разграблении феодального владения Сада Ла-Кост. Когда

настала пора политических чисток, Луи Альфонс Донасьен Сад показательно отказался от своего аристократического статуса, активно включившись в работу секции Пик: «Моя роль никогда не была сомнительной, мой патриотизм, вскормленный десятилетним пребыванием в Бастилии, не позволяет в себе усомниться - словом, у меня определенно нет никаких аристократических претензий, и я весь умом и сердцем в революции...» [2, с. 263].

Ко времени казни короля Сад назначается комиссаром по организации кавалерии в якобинской секции Пик, затем ему достается роль комиссара государственного Совета по здравоохранению. 13 апреля 1793 маркиза назначают присяжным революционного трибунала. В период открытого уличного террора (конец 1792 года и 1793 год) театральная деятельность Сада, отмеченная сменяющимися друг друга периода принятия и полного отвержения его драматургических произведений, фактически прекратилась. Настало время, когда Сад решительно повернулся лицом к левым якобинцам и санкюлотам, тем, кого еще недавно он именовал каннибалами. «Теперь он весь умом и сердцем в революции». Роль революционного оратора-теоретика ему оказалась настолько по душе, что он в короткие сроки достиг совершенства в составлении речей, петиций, воззваний, статей. В современной нам Франции Сад считается, можно сказать, дважды классиком - с одной стороны, в качестве автора «Содома», «Жюстины», «Эжени де Франваль» и в качестве автора текстов, наполненных революционно-патриотической риторикой, - с другой. При своей активной роли в крайне правой организации автор «садизма», по свидетельствам французских историков, не участвовал в карательно-репрессивных операциях.

Жизнеописание маркиза в 1793 году насыщено событиями, градация которых начинается от триумфа в профессионально-революционной деятельности и до нового тюремного заключения. 13 апреля Сада назначают присяжным революционного трибунала, о чем он с гордостью сообщает своему бывшему зятю, объявившемуся на секции Пик. События

общественной жизни пробуждали с новой силой его творческий потенциал: павшему от женских рук Марату маркиз посвятил стихи, а сама убийца – Шарлотта Конде – вызывала у него романтические ассоциации с Брутом. Сад сочинил «Воззвание к душам Марата и Ле Пелетье». Он написал о великом и прекрасном будущем человечества, о грядущем расцвете наук и искусств. Обращаясь к Свободе, он восклицал: «Единственная богиня французов, святая и дивная, позволь нам просить у алтарей твоих слез по двум утраченным верным друзьям...» [2, с. 271]. А в то время его «друзья» постепенно прибывали на гильотину или в тюремные покои, что вскоре и ожидало самого маркиза. 5 декабря по приказу полицейского департамента Парижской Коммуны Сад арестован в своем доме по обвинению в «модернатизме» (чрезмерной умеренности) и препровожден в тюрьму Мадлонетт. 22 января он был переведен в тюрьму Сен-Лазар – одну из самых больших тюрем, расположенных в Сен-Дени. Упражнения Сада в литературном и публицистическом деле помогли ему в составлении прошений и личной характеристики, в которой он с преувеличенным пафосом подчеркивал свою преданность революции и отказ от феодальных прав. В марте 1794 бывшего революционера переводят в лазарет Пикпюст «по причине болезни», но угроза оказаться на гильотине преследует его.

Перестановки в управленческом аппарате секции Пик открывают двери для Сада перед свободой без страха перед гильотиной. В середине октября Сад, теперь охарактеризованный жожаками секции Пик как «славный патриот», вновь начинает засыпать письмами нотариусов с целью вернуть свое финансовое состояние. Творческая энергия, вдохновленная плодами революции, находит воплощение в очередном провокационном романе в форме социально-политической драмы с элементами эротики. На следующий год Сад продает свой замок вместе с имением Лакост народному избраннику Роверу, приобретая в окрестностях Парижа более скромное жилище. Унаследованная бесхозяйственность способствовала приобретению новых долгов, ведь де Сад пользовался своим имуществом в духе аристократа, а не

буржуа. С приходом к власти новой Директории, его имя снова попало в списки эмигрантов, автоматически лишившихся имущества. Новая власть в лице Барраса решило пройтись волной репрессий относительно оставшихся роялистов и подозреваемых в монархических настроениях лиц. По мнению Барраса, Сад – «экстраординарный персонаж, и его можно рассматривать как аномалию в роде человеческом. Системе, которую он не побоялся выстроить в своих сочинениях, отнюдь не лишенных таланта, предшествовала в разных странах безобразная практика, спровоцировавшая всеобщий ужас» [2, с. 293].

В этом же 1797 году, когда участь де Сада как владельца крупного имущества, так необходимого Директории, была не вполне определена, выходит в свет продолжение истории «Жюстины» или «Новая Жюстина, или Несчастья добродетели, продолженные Историей Жюльетты, ее сестры»: «Он до предела открутил кран порнографии, выхлестнув из себя нечто супершокирующее, суперпародоксальное. Буквально из-под ножа гильотины, на пороге лишения гражданства и наступления полной нищеты он громогласно изрыгнул дикие богохульства, разоблачил идеологические доктрины и направил внимание читателя на самые безобразные фантазии человеческого ума... «Жюльетта» написана как раз тогда, когда век Просвещения подвел под собой черту. Она стала его последней оргией и вместе с тем пророчеством последствий происшедшего» [2, с. 311].

Литературный гений де Сада найдет отклик у читателей немного позже, а пока его пьесы не брались ставить даже замшелые театры, куда без усталости маркиз писал заискивающие письма. Преследование властей и собственная непрактичность загнали бывшего аристократа в ситуацию финансового краха. С позиций драматурга ему пришлось спуститься до суфлера и актера массовки, чтобы заработать несколько су в день. Временная милость, проявленная Наполеоном в отношении эмигрантов, позволила Баррасу вступить за маркиза. Роковую шутку с маркизом сыграло его собственное произведение – «Золоэ и два ее спутника», направленное против Жозефины Богарне, Бонапарта и его окружения. Первый консул,

фигурировавший в этой книге под именем «барон д'Орсек», приказывает полиции взять Сада под негласный контроль.

Последним актом жизненной драмы Сада явилось растянувшееся почти на четырнадцать лет заключение в Сент-Пелажи – Бисетре – Шарантоне. Шарантонская лечебница для душевнобольных стала последним местопребыванием маркиза, став его домом на последние 11 лет его жизни. С 1805 года в Шарантоне начинает действовать театр, режиссером которого был де Сад. Это оказалось возможным благодаря доброжелательности директора приюта, бывшего аббата Кульмье, подружившегося с Садом. Единственная привязанность последних лет – мадам Кенэ – сожительствовала с ним в лечебнице. В 1806 маркиз де Сад пишет завещание, первые три параграфа которого составляют щедрое распоряжение в пользу этой женщины. В 1813 по многочисленным жалобам театральные постановки в Шарантоне запрещаются специальным министерским указом. 3 декабря 1814 по донесению директора приюта Шарантон Его превосходительству господину Бенью, начальнику королевской полиции: «Милостивейший государь, вчера, в 10 вечера, в приюте Шарантон скончался маркиз де Сад, который был переведен сюда по приказу министра полиции в месяце флореале XI года. Здоровье маркиза постоянно ухудшалось, хотя окончательно он слег в постель лишь за два дня до смерти, наступившей достаточно быстро вследствие лихорадочного воспаления» [2, с. 339].

Хоронили маркиза по религиозному обряду на больничном кладбище, но установили камень без указания фамилии погребенного, тем самым частично исполнив волю маркиза де Сада, указанную в завещании. Многие книги после были распроданы, дневники и отдельные записи сожжены. «В моей жизни случались долгие антракты», - говаривал некогда Сад о своих тюремных заключениях. Однако самым длинным оказался «антракт» в жизни его бумаг, в издании его работ, который затянулся на два с лишним века.

Таким образом, набор биографических сведений дает основания предполагать, что образ жизни и историческая среда маркиза де Сада оказали прямое влияние на формирование основ его мировоззрения, пропитанных идеями либерализма, духовного освобождения.

Глава 2. Теоретико-методологический анализ романа маркиза де Сада «Жюльетта»

2.1 Концептуальное содержание текста романа

Творчество маркиза де Сада органично вплетено в историю идей, стоящих на повестке дня века нынешнего, равно как и века минувшего. Сад испытал на себе несомненное влияние интеллектуального антуража эпохи; в его эссе «Мысль о романах» мы находим восторженные отзывы о Вольтере, Руссо, Ричардсоне, Филдинге, аббате Прево, хотя, конечно, никого из них не заподозрить в близости идеям самого Сада. Среди писателей прошлого Сад особенно выделяет Сервантеса с его «бессмертным трудом, известным по всей земле, переведенным на все языки, который должен считаться первым среди всех романов» [20]. В произведениях маркиза читатель без труда обнаружит элементы философского романа в духе литературы XVIII столетия. Есть, очевидно, смысл говорить о создании Садом некоего романа синтетического типа, впитавшего в себя различные тенденции и не сводящегося ни к одной из них.

В качестве автора, принадлежавшего эпохе Просвещения, Сад в своих романах конструирует реальность фривольного европейского общества. «Просвещенный» человек стремится окончательно разрушить религиозные мифы, обращаясь к разуму как к единственному критерию познания человека и общества. Формулировка «естественное право» превратилась в клише наряду с понятием «свободы», «равенства», «гражданского общества»: «Поскольку люди, как уже отмечалось, естественно свободные, равные и независимые, то никто не может быть выведен из этого состояния и покорен политической власти другого без своего личного согласия» [28]. Сад в рамках новой либеральной философии был человеком своего времени. Г. Аполлинер, «открывший» Сада, высказался о нем как о «самом свободном из когда-либо существовавших умов». Свобода его философских построений не только учитывает разрыв сексуального периметра, определенного

моральными принципами, это попытка объяснить новое понимание действительности, в которой нет места прежнему Богу, морали, добродетели. Целая система, дидактически выстроенная в художественных произведениях маркиза, в жанре манифестов звучит из уст главных героев – истинных либертенов. В 1795 году он писал: «Я готов к тому, чтобы выдвинуть несколько глобальных идей. Их услышат, они заставят задуматься. Если не все из них окажутся приятными, а я уверен, что большинство покажутся отвратительными, - что ж, я внесу свой вклад в прогресс нашего века и буду этим удовлетворен» [6, с. 149].

«Самый скандальный» роман маркиза де Сада вышел в 1779 году под названием «Новая Жюстина, или несчастная судьба добродетели, сопровождаемая историей Жюльетты, ее сестры, или успехи порока» как сиквел «Жюстины», написанной в 1791 году. По сюжету это два взаимосвязанных произведения, противопоставленные друг другу на основе дихотомии добра и зла. Главными героинями являются порочная Жюльетта, от лица которой ведется повествование в «Успехи порока», и добродетельной Жюстины, героини «Несчастий добродетели». Обе части проникнуты общей философией де Сада, но «Жюльетта» представляет собой более глубокое исследование порока, его оправдательную сторону. В то время как невезучая, с точки зрения садовской мысли, Жюстина в перипетиях судьбы испытывает страдания от своего добродетельного поведения, ее сестра, Жюльетта, выбирает рациональный путь и идет по нему, сопровождаемая пороком и преступлением. Она наслаждается оргиями в монастыре, «где было брошено семя, коему впоследствии было суждено расцвести пышным цветком порока».

Это семя было брошено аббатисой монастыря, тридцатилетней женщиной Дельбеной, которая приглашает свою подопечную на обед. Наставница Жюльетты, если несколько вольно воспользоваться метафорой Ю. М. Лотмана, играет роль клавиатуры-регистра романа об успехах порока: «Известно, что начало текста... играет роль семиотического индикатора: по

нему аудитория определяет, в каком семиотическом ключе следует воспринимать последующее. Это можно сопоставить с механизмом органа: орган располагает несколькими клавиатурами-регистрами. Прежде, чем разыгрывать ту или иную пьесу, следует включить определенный регистр... зачин текста будет играть роль переключателя, включающего определенный регистр, в котором следует воспринимать весь остальной текст» [29, с. 360]. При всей, однако, предрасположенности Жюльетты к распутству, она испытывает некоторую озабоченность, сознавая разрыв, существующий между монастырскими нравами и общепринятыми нравственными нормами поведения. Госпожа Дельбена не чуждая философским знаниям века - поклонница Гольбаха - и умеющая их использовать в своих интересах, спешит рассеять сомнения Жюльетты. Она отказывает обществу в праве суда над распутством, находя потребность в чувственных наслаждениях естественной. Нравственные требования среды рассматриваются ею как наложение бессмысленных стеснительных «предрассудков». Таким образом, введенный на первых страницах персонаж, окруженный ореолом порочной успешности, задает ритм всему произведению.

Характерной чертой данного романа являются, как уже говорилось, монологи, в форме манифеста декларирующие основы мировоззрения автора. История «Жюльетты» написана от первого лица, однако, в первом томе главная героиня выступает скорее как объект, информируемый более опытными либертенами. Второй том, в свою очередь, в большей степени миссионерскую функцию возлагает на Жюльетту, позволяя ей вступать в диалоги как равноправный субъект, прошедший все испытания добродетели. Вторая часть более динамична: читателю предоставляется возможность вместе с Жюльеттой путешествовать по городам Италии с целью удовлетворения физиологических потребностей в условиях ограниченности ресурсов (как правило, жертвы садовских либертенов не доживают до конца сценария оргии). В первой части главная героиня испытывает добродетель на прочность, подавляя в себе последние ростки этой «химеры». Персонажи не

столь многочисленны, в отличие от второго тома, но их монологи более содержательны и объемны, ведь они выполняют основную воспитательную нагрузку неокрепшего сознания как Жюльетты, так и читателя.

Общей тенденцией, объединяющей обе части романа, является склонность автора не просто к длинным монологам, а ярко выраженная системность, выстроенная по определенной логике доказательств, наличие риторических вопросов, заставляющих читателя усомниться в своем скептицизме относительно садовских умозаключений: «По какому высшему праву вы называете нравственным то, что исходит от вас, и безнравственным то, что проповедую я?» [41, с. 460]. Маркиз де Сад в своем романе неоднократно повторяет в монологах разных персонажей свои теоретические построения, рассматривая все грани поднятой темы и выстраивая безапелляционную систему защиты. Его доказательная база зачастую представлена историческими фактами, удовлетворяющими субъективный интерес автора: «Супружеская измена была официально разрешена у греков. Римляне на время передавали друг другу своих благоверных. Катон отдал жену своему другу Гортензию, потому что жена последнего была бесплодна» [42, 67].

Суверенный человек де Сада обладает полной автономией к внешнему миру, рамки которой не ограничивает даже смерть жертвы. Сцены взаимного сексуального удовлетворения послушницами монастыря эволюционируют в сознании Жюльетты в непристойную кровожадность: «В остальных сералях было то же самое: непременно повешение одной жертвы и обход выстроившихся, трясущихся от страха рабынь. В помещениях для больных Минский отобрал шестерых несчастных и собственноручно вышвырнул их через открытое окно во двор, где голодные звери сожрали их без остатка за несколько минут» [42, с. 4].

Не пресыщаемая страсть к уничтожению измеряется в количественных показателях: количество жертвенных особей мужского и женского пола, вариации оргий, подсчет оргазмов. Количество поистине разжигает

воображение либертена («ничто не возбуждает так, как большие числа»), и, вероятно, на это имеется несколько причин. Количество означает роскошь, изобилие, а, следовательно, экономическое и политическое могущество [29, с. 60]. Клервиль упрекает Сен-Фона в «непростительных причудах» (организация механизма «вечной смерти» над одной жертвой) и, чтобы наставить его на путь истинный, дает ему следующий совет: «Замени сладострастную идею, которая распяет твой мозг, - идею до бесконечности длить пытки и мучения существа, обреченного на смерть, - подмени ее щедрым изобилием убийств; не убивай дольше все того же, это невозможно, но убей множество других, это вполне по силам» [5, с. 67]. Экономическая сторона либертинажа не отделима от сексуальных исхищрений, ведь, как правило, любая оргия выполнялась по строго рациональному сценарию с учетом реальных и нереальных анатомических комбинаций.

Принципиальные позиции теоретических построений маркиза де Сада декларируются и реализуются персонажами романа. Исходным пунктом являются размышления о полной автономии индивида, а рассуждения о свободе, равенстве, морали, религиозных ценностях – это выводимые, логически обоснованные автором положения. Так, например, с первых страниц романа, маркиз де Сад, выполняя дидактическую задачу, внушает читателю отказ от осознания нравственной ответственности: «Основной принцип моей философии – это презрение к общественному мнению... Только мы сами определяем критерии нашего личного счастья, только нам решать, счастливы ли мы или несчастливы – все зависит лишь от нашей совести и, возможно в еще большей мере, от нашей жизненной позиции, ибо только она служит краеугольным камнем нашей совести и наших устремлений» [41, с. 13].

Понятие совести как императива, регулируемого религиозным сознанием, низводится до рамок индивидуального произвола. Человеку достаточно путем рассуждений определить механизм, регулирующий его поступки. Единственным ориентиром служит Природа, которой маркиз де

Сад в своем романе отдает должное уважение. Феномен Природы как абсолютного начала предполагает безусловное принятие либертенем ее законов, а точнее принципа без-закония природы, хаоса и дисгармонии во всех ее проявлениях. «Движение разумного человека к храму Природы предполагает подавление всяких угрызений совести, преодоления чувства вины. Необходимо поставить перед собой задачу тотального избавления от условностей социального существования, нелепых предрассудков» [8, с. 153]. По словам Дельбены, первой наставницы Жюльетты, «Аморальность – вот высший закон Природы: никогда не опутывала она запретами, никогда не устанавливала правил поведения и морали... Подобные обязательства противоречат тому, что внушает нам Природа, так как единственная ее заповедь гласит: наслаждайся как тебе угодно, с кем угодно и за счет кого угодно» [41, с. 50]. И если удовольствия либертена становятся причиной чьих-либо страданий, то это обстоятельство не должно ему мешать следовать по пути, предписанным Природой.

Принудить к молчанию голос совести Дельбена предлагает с помощью сладкого, верного и простого средства: поступки, вызывающие в нас раскаяние, следует регулярно и как можно чаще повторять, дабы выработывалась привычка творить злодеяния, противодействующая искушению переживать за них. «Эта привычка сокрушает предрассудок, уничтожает его, мало того, за счет постоянного повторения ситуаций, которые вначале приносили неудобства, эта привычка, в конце концов, создает новое состояние, сладостное для души, состояние абсолютного безразличия и спокойствия» [41, с. 16]. Либертен начинает с того, что обретает навык избавляться от чувства вины, вызванного незначительными проступками, и постепенно вырабатывает иммунитет к преступлениям, достойным суверенного человека: «Остается добавить, что, научившись справляться с чувством вины по поводу незначительных поступков, ты скоро научишься подавлять в себе неловкость при совершении довольно жестокого поступка, а потом творить любую жестокость, как большую, так и малую, с

неизменным спокойствием» [41, с. 17]. Мораль и нравственность не являются исходным правилом отношений между людьми, а сам феномен добродетельного поведения садовский герой, Нуарсей, обосновывает следующим образом: «Ах, Жюльетта, когда ты лучше узнаешь ее, ты увидишь, что эта в высшей степени мудрая, исключительно щедрая и благородная Природа запрещает нам помогать другим, если только это не продиктовано выгодой или страхом» [41, с. 156]. Авторская логика в рассуждениях о критериях оценки поступка либертена (общественное осуждение или муки совести) возвращает нас к исходному пункту, содержание которого подразумевает признание полного одиночества индивидуума и его автономия по отношению к своему телу. Следовательно, «человек ни коим образом не связан с другими людьми, поэтому должен сближаться только с теми, кто ему по сердцу, и избегать тех, кто ему противен».

Смысл игры садического героя с Природой заключается в навязывании этому абстрактному персонажу тех функций, которые бы оправдывали безграничные потребности либертена. Допустим, его не устраивает чрезмерное развитие той функции сексуальной жизни, которая связана с продолжением рода. В таком случае он указывает на то, что Природа совершенно не заинтересована в человеческом существовании на Земле и столь бы равнодушно отнеслась к исчезновению рода человеческого, сколь – к исчезновению какого-нибудь другого вида: «Природа допускает размножение, но не следует принимать ее снисходительность за веление. Природа ни на йоту не заинтересована в размножении, и полное исчезновение человечества – что будет наихудшим следствием отказа от размножения – ничуть ее не опечалит» [41, с. 65]. Используя аналогичные методы либертен высмеивает традицию сохранения девственности до замужества, узы моногамии, проповедую инцест, адюльтер: «Совокупление – беспрепятственное, прилюдное и всеобщее – вот желание Природы, и это обычай широко распространен по всему миру, пример тому – животные» [41,

с. 63]. Автор упрямо навязывает читателю мысль, что в человеке не может возникнуть наклонностей, которые бы не были освящены Природой, достаточно мудрой и последовательной для того, чтобы не создавать возможности тех «отклонений», которые были бы ей неуютны. Таким образом, Природа берет под покровительство любые пороки садического героя, поступающего якобы в соответствии с ее волей, но на самом деле ей эту волю задающего – для своего оправдания. Обращение к нравам иных исторических эпох служит еще одним оправданием распутства.

Антропоцентризм философствования героев романа в свою очередь низводит человека до «отпрыска» Природы: «Однако если бы человек немного поразмыслил, он перестал бы считать себя пупом земли; если бы посмотрел на Природу философским взглядом, то понял, что, будучи случайным плодом слепой своей матери, он ничем не отличается от всех прочих, что участь его будет такой же, как у остальных собратьев» [41, с. 156-157]. Эти слова маркиз де Сад вкладывает в уста Пия VI, отца римской католической церкви, выводя этот персонаж на авансцену как кульминационный период итальянского путешествия Жюльетты. Его рассуждения затрагивают не менее важный теоретический пазл общей концепции, который касается вопроса равенства. Поклоняясь Природе и ее антипорядку, маркиз де Сад признает всеобщее равенство живых существ перед Природой: «Невидимая цепь, которая связывает друг с другом все физические существа, абсолютная независимость друг от друга трех царств – животного, минерального и растительного – доказывают, что все они равны в глазах природы, все они исходят из ее первопричинных законов, но ни одно из них не создано специально и не является необходимым» [41, с. 159]. Каждый человек, по мнению маркиза де Сада, не имеет преимуществ перед другим, индивидуумы равны, следовательно, взаимозаменяемы, Природа не отдает предпочтение тем или иным особям. Механистическое понимание равенства позволяет выводить следующую максиму: «Какое зло я причиню, какое нанесу я оскорбление, сказав повстречавшемуся мне прекрасному

созданию: предоставьте мне часть своего тела, которая способна меня на миг удовлетворить, и наслаждайтесь, если вам угодно, моею, которая может быть вам приятна» [5, с. 51].

Взаимозаменяемость субъектов либертинажа, предполагаемое равенством относительно сил Природы, казалось бы, должна прийти в противоречие с фактом наличия двух социальных слоев, противопоставленных друг другу. Маркиз де Сад разрешает это противоречие, обращаясь к силам Природы: «...она мудра и логична в своих действиях, и ее планы относительно человеческих существ нам не дано ни постичь, ни помешать им; планы ее покоятся на неравномерном распределении силы среди людей – отсюда неравные возможности, средства, условия и судьбы» [41, с. 256]. Таким образом, неравенство вполне естественное и необходимое явление, предполагающее разделение общества на сильных и слабых, властителей и ими угнетаемых. Последние должны с рабской покорностью принимать свою роль жертвы, ведь это отвечает замыслу Природы. И в самом деле, общество Сада по сути состоит из весьма малого числа всемогущих людей, у которых оказалось достаточно энергии, чтобы возвысится над законами и над предубеждениями, выработать иммунитет к добродетели. Это люди высшего ранга, обладающие политическим и экономическим влиянием, присваивают себе право эксплуатации иных существ человеческого рода, не достойных истинного либертена: «Нельзя измерять одной мерой жизнь существа, которого я нахожу неприятным и который мешает мне, и мои собственные интересы... Я нарушу все заповеди природы, если не покончу с тем, кто намеренно разрушает мое счастье» [41, с. 114]. Таким образом, чисто анатомическое равенство индивидуумов, выброшенных Природой в естественную среду обитания, предполагает конкурентную борьбу, результатом которой является социальное неравенство: «Природа создала слабых с тем, чтобы мы сделали их своими рабами, она дала их нам в дар, в жертву, и их участь – тому доказательство» [41, с. 162]. Справедливость такого общественного

устройства, отвечающего законам дикой и «необузданной» Природы, вполне оправдывает постулируемый либертенем принцип абсолютного эгоизма: «Собственный, личный интерес – вот перводвижитель человеческого поведения» [41, с. 28].

Обеспечив себе свободу действий по отношению к другим, менее жизнеспособным особям, садический герой, разрушив традиционную форму морали, выстраивает отношения с лицами своего класса на принципах новой этики: «Сто раз ты мне говорила, - обращается к Жюльетте мадам де Дони, - что развратницы не вредят друг другу; уж не будешь ли отрицать эту максимум?» [5, с. 60]. У Жюльетты есть принципы: она уважает истинный либертинаж, и когда ей встречается законченный злодей, совершенство наблюдаемого ей преступления и заключенная в нем разрушительная мощь побуждают признать его права на дальнейшее существование как соавтора порока: «Этот человек слишком вреден для человечества, чтобы я избавила от него вселенную» [5, с. 59].

Особые правила эксплуатации анатомических возможностей либертенов де Сад предусматривает в уставе «Братства друзей преступления», куда Жюльетту приглашает ее заклятая подруга Клервиль. Данный документ легитимирует преступления в узких территориальных границах и исключительно в отношении членов Братства. Принцип равенства утверждается, но с той лишь оговоркой, что «отсутствие различий любого рода дискредитируется только потому, что последние могут неблагоприятным образом отразиться на удовольствиях членов Братства и, рано или поздно, испортят их окончательно» [41, с. 376]. Отметая общепринятые нравственные законы, либертены вынуждены в целях гарантии самобезопасности регулировать степень разврата. Члены Братства объединены желанием удовлетворения своих пороков, однако эти связи, определившиеся общностью чисто эгоистических интересов, неполноценны, так как могут быть аннулированы при условии их невыгодности.

Персонажи игры воображения маркиза де Сада неприкосновенны в силу своей жизненной философии, основой которой является преступление во всех его мыслимых формах. Не менее важную функцию защиты от внешних посягательств выполняет социально-политическое и связанное с ним финансовое положение либертена: «Я думаю так, как мне нравится, говорит герой де Сада, я знаю только свое удовольствие; чтобы его обеспечить, я мучаю и убиваю. Опасность подобной же участи грозит и мне – в тот день, когда я встречу кого-либо, кому для полного счастья будет необходимо меня помучить и меня убить. Но я как раз-таки и обрел власть, чтобы подняться над этой угрозой» [5, с. 55]. Власть садического героя реализуема в рамках закона, который он так рьяно стремится опровергнуть: «Человеку не нужны законы для самозащиты – для этого природа вложила в него достаточно инстинктов и энергии; взяв закон в свои собственные руки, человек всегда добьется более быстрой и чистой, более надежной, основанной на силе, справедливости, чем в суде, ибо его акт личной справедливости будет определяться его личным интересом и личной его обидой, между тем как человеческие законы отражают интересы всех законодателей, которые участвуют в создании этих установлений» [42, с. 123]. Отвергая общественный порядок, либертен наделяет каждого правом личного законотворчества, основанного на принципе абсолютного эгоизма как универсального закона Природы.

Обесценивание социальных регуляторов порядка в лице морали и закона либертеном создает условия для легализации преступления как естественного акта Природы: «Природа не мыслима без зла – это материал, из которого она творит добро, существование ее покоится на преступлении, и все бы рухнуло в один миг, если бы мир наш был населен одними добродетелями» [41, с. 158]. Преступление является высшим актом проявления безграничной власти, дарованной избранному человеку высшей инстанцией – Природой: «Чтобы соответствовать своему призванию, сильные волей-неволей должны эксплуатировать слабых, а от последних

требуется еще ниже склоняться перед неизбежностью и оставить всякие попытки отстоять свои интересы, потому что им это не под силу» [41, с. 160]. Сексуальные удовольствия в логике де Сада не отделимы от разумного осмысления факта причинения другому зла: «Для Сада эротика появляется лишь тогда, когда «рассуждают о преступлении»: рассуждать, означает философствовать, разглагольствовать, обращаться с речью, словом, мерить преступление (родовой термин, обозначающий всевозможные садические страсти) системой членораздельного языка» [3, с. 38]. Оправдывая необходимость преступного поведения, автор вкладывает в уста своих героев идею, согласно которой мотив преступления подразделяется на два основания. Первое – преступление по необходимости, важное из-за своей функциональной нагрузки (устранение потенциальной угрозы в лице более влиятельного человека, воровство с целью обогащения), но второстепенное в логике либертинажа. Такой род преступления является стажировкой в сфере профессионального либертинажа, призванной выработать иммунитет к добродетели: «Только накопленный груз множества дурных поступков избавит тебя от угрызений совести, породит в твоей душе сладостную привычку, которая притупит и сведет их на нет и даст тебе силы и средства обманывать окружающих» [40, с. 33].

Второе основание – преступление ради удовольствия как акт проявления абсолютного эгоизма: «Меня возбуждает любой злодейский или жестокий поступок; больше всего меня вдохновляло бы убийство на большой дороге, а еще больше – профессия палача. В самом деле, почему я должен отказывать в себе в поступках, которые бросают меня в сладострастную дрожь?» [42, с. 462]. Но даже самое запретное действие, многократно повторенное, приедается, и, для того чтобы поддерживать постоянный накал, постоянное напряжение, садическому герою приходится искать все новые и новые формы преступных наслаждений. Ненасытная жажда новизны в наслаждениях вынуждает либертена использовать весь запас своей изобретательности, доводящей до мысли выйти за пределы смерти,

придумать «вечный двигатель» разрушения: «Я бы хотела, - серьезно отвечала Клервиль, ничуть не рассердившись, - придумать такое преступление, последствия которого, даже после того, как я совершу его, длились бы вечно, чтобы покуда я была жива, в любой час дня и ночи, я служила бы непрекращающейся причиной чьего-то страдания, чтобы это страдание могло шириться и расти, охватить весь мир, превратиться в гигантскую катастрофу, чтобы даже после своей смерти я продолжала существовать в нескончаемом и всеобъемлющем зле и пороке» [41, с. 476]. Жюльетта, уже как истинная либертенка, предлагает подруге оружие массового поражения, гарантирующее неиссякаемый источник преступных помыслов: «Для осуществления ваших желаний, милая моя, лучше всего подойдет то, что можно назвать моральным убийством или просто растлением, через посредство советов, книг или личных примеров» [41, с. 476].

Устами Жюльеты глаголет истина, настойчиво проповедуемая в тех романах маркиза де Сада, благодаря которым он бы хотел «заразить» и без того уже болеющее общество. Сад окажется одним из тех писателей, о которых он сам говорил: «Развращенность их столь опасна, столь деятельна, что целью обнародования их чудовищной философской системы становится лишь одно – распространить и за пределами их жизней все совершенные ими преступления; сами они уже не могут это сделать, но зато могут их проклятые писания, и сия сладостная мысль утешает их в отказе от всего существующего, к которому их вынуждает смерть» [3, с. 183].

Герой Сада пускается в длинные рассуждения о том, что Природа нуждается в преступлении, что разрушение необходимо ради созидания, что эти два процесса взаимодополняют и уравнивают друг друга. Акты разрушения следуют за их теоретическим обоснованием, в котором автор вынужден монотонно отстаивать свою позицию. Красной нитью во всем романе проходит идея, низводящая Бога с позиции абсолютного начала. Атеизм Сада не хладнокровен: «Как только по ходу самого спокойного

развертывания текста появляется имя Бога, язык тут же начинает обжигать, тон повышается, волна ненависти подхватывает слова, корежит их» [5, с. 72]. Бог не угоден садическому герою, христианская мораль является помехой на пути воплощения интересов собственного тела, поэтому либертен «отставляет» Бога в сторону, и сам по себе этот жест в атмосфере XVIII века не мог не вызвать в герое эмоционального напряжения: «Так вот, значит, как их Бог помог им! Вот как этот Бог, любящий их, поправший ради них священный порядок природы, поступил с ними, вот как он сдержал свое обещание!» [41, с. 32].

«Поверь, Жюльетта, нет никаких сомнений в том, что фантастическая мысль о существовании Бога имеет своим истоком не что иное, как ограниченность ума... Единственный проводник в ночной тьме – мой разум, и я высоко поднимаю этот светильник, помогающий мне критически посмотреть на все эти противоречащие друг другу кандидатуры на мою веру, все эти басни, которые я считаю нагромождением притянутых за уши несуразностей и банальностей, от которых содрогаюсь от отвращения» [41, с. 30] - так единственным проводником в религиозном тумане, по мнению первой наставницы Жюльетты в «школе либертинажа», является разум: «Чем талантливее и одареннее человек, тем больше он сокрушает препятствий и тем решительнее это делает, значит, интеллектуально развитые люди гораздо глубже чувствуют удовольствия либертинажа» [42, с. 55].

Садический герой выстраивает доказательную линию на рациональных началах, исходя из которых может показаться вполне убедительным. Преступление, совершенное в состоянии аффекта, не поощряемо либертеном вне зависимости от степени его жестокости; наиболее важной характеристикой является планирование и расчет разрушительных последствий, осознание которых приводит в экстаз автора прогнозируемого преступления. Рационализм де Сада опирается на материалистические концепции, современные ему философские идеи, к авторам которых герои романа апеллируют: «Не переставай обращаться к

великим мыслям Спинозы и Ванини, автора «Системы Природы» ... Мы вместе будем наслаждаться этими авторами и проникнем их духом и их мудростью» [41, с. 22]. Только разум, согласно логике садического персонажа, способен освободить человека из уз назойливой религиозной «химеры»: «Судить вас может только ваш собственный разум» [41, с. 79].

Атеизм Сада воинственен: автор персонифицирует и борется с ним на протяжении всего романа как с конкурентом по силе и массовости разрушения: «Если он не наказывает тех, кто нарушает освященный им закон, соблюдать его не имеет никакого смысла, а когда соблюдение закона сопряжено со страданиями и тяготами, мы видим, что Бог и бесполезен и зол, посему я опять спрашиваю тебя, достойно ли высших почестей такое существо?» [41, с. 41]. Либертен видит Бога «то добрым, то злым, то ревнивым, то мстительным» [41, с. 492], наступая на позиции творца как абсолютного начала, первопричины, разделяя с ним монополию на разрушение: «Согласно Саду, история религий ясно показывает, что божеству свойственно убивать. Тогда какой человеку смысл быть добродетельным? Первый богоборческий порыв толкает тюремного философа к самым крайним выводам. И если уж господь отрицает и уничтожает человека, то нет никаких препятствий к тому, чтобы отрицать и убивать себе подобных» [24, с. 270].

«Восемнадцатый век, пытаясь упразднить Царство Божие на Земле, нашел себе нового идола. И атеисты, и верующие стали поклоняться новому воплощению Высшего Блага: Природе» [6, с. 157] - именно Природа претендует занять место «беспомощного» Бога, вернее либертену выгодно возвеличить «хозяйку хаоса», так как она предоставляет лицензию на проявление абсолютной свободы. Либертен принимает все указания Природы как руководство к действию, он осознанно стремится стать ее собственностью, то есть утратить все социально и культурно обусловленные императивы своей жизнедеятельности. В этом монаршие Природы единственный способ садического персонажа утвердить свою субъектность –

уравнять объемы разрушений, совершать преступления, достойные и превосходящие возможности Природы. Либертен с негодованием обрушивается на прародителя всего сущего, осознавая границы своей власти: «Ах, несчастные смертные, напрасно гордитесь вы тем, что способны разрушать! Это вам не по силам, вы в состоянии изменить формы, но вы бессильны уничтожить их; вы не можете даже ни на грамм уменьшить массу природной субстанции, так как же вы собираетесь уничтожить то, что вечно» [42, с. 162]

«Все красивые религиозные сказки, которые глупцы пытаются обосновать добродетелью, на самом деле покоятся на фундаменте абсурда, потому что единственным непреложным законом является эгоизм, добродетель же противоречит эгоизму, так как заключается в непрерывном забвении интересов человека в угоду чужому благополучию» [41, с. 306] - учет интересов других субъектов подходит к степени отрицания параллельно с процессом секуляризации сознания. Расправившись с религиозной «химерой» садический герой ищет компенсирующие ресурсы, замыкая их на себе самом, но чтобы оправдать такой выбор, он переносит ответственность на силы всемогущей Природы, наградившей его страстями и беспредельной жадностью удовольствия: «Могу добавить, что я долго искал в своем сердце образ поведения, соответствующий неписанному кодексу Природы, и, в конце концов, нашел его: никого не любить, никому не помогать, никого не считать братом и служить исключительно своим страстям» [41, с. 164]. Для друзей преступления объектом поклонения являются их собственные страсти, нашептанные Природой, удовлетворение которых за счет доступных и недоступных ресурсов вполне приемлемо: «В конце концов, я знаю самое главное: брать от жизни все, что только возможно, пусть даже расплачиваясь за это чужими страданиями, так как любить других больше, чем себя – значит нарушить первейший закон природы и посягнуть на здравый смысл» [41, с. 187]. В заключении можно сказать, что в результате проведенного анализа текста романа мы установили бинарность его содержания: с одной

стороны, он представляет собой произведение порнографического жанра, с другой, - историко-философское эссе. Связующую функцию выполняет единая сюжетная линия, построенная вокруг жизненных перипетий главного героя. Эротические подробности привлекают читателя, отважившегося открыть для себя столь скандальное произведение. Такой своего рода авторский маркетинговый ход рассчитан на навязывание определенного стиля мышления, который представлен в пространных монологах героев романа, по сути раскрывающих социально-культурное кредо автора.

2.2 Историко-философский анализ романа с позиций коммуникативной теории исторического процесса

«Философия, которая стоит в основании современного западного видения мира, то есть философия Просвещения, едва отличима от художественного, даже более того, как писал Джезеппе Рикуперати, порнографического рассказа. И едва ли не самым показательным примером экстравагантного совмещения любых дискурсивных форм является наследие маркиза де Сада» [36, с. 48]. XVIII столетие стало веком общественных и религиозных переворотов во Франции и пережило своего рода бум эротических произведений. Сложно проследить четкое разграничение между литературой, философией и порнографическим откровением, отвечавших единственному культу – свободе. Маркиз де Сад шел в ногу со временем: рисуя картины диких оргий, он пронизывал их единой сюжетной линией, в которой обязательное место занимали философские отступления, абсолютно логичные и безапелляционные в рамках мысли самого автора. По этому принципу построен и роман, повествующий о приключениях «Жюльетты», добившейся преуспевания в рамках порочного образа мыслей и поведения. Данный роман представляет собой сложное историко-философское сочинение, пропитанное разного рода скабрёзностями, орнаментирующими сухую демагогию автора. «Дело в том, что Сад заслуживает внимания не как сексуальный извращенец и не как писатель, а по причине взаимосвязи этих двух сторон его личности» [6, с. 143] - так характеризует его Симона де

Бовуар, и оказывается вполне права, с единственной оговоркой, что де Сада заслуживает внимания и как идеолог Просвещения. Маркиз предвосхитил спрос на максимальную свободу личности, наполнив свой роман выпячиванием порнографического элемента и эффектных кровопусканий.

При анализе романа маркиза де Сада можно сделать вывод, что это самодостаточная, созданная по особой логике реальность, и, что особенно важно, его текстовые границы позволяют создать необходимый фреймворк, защищающий прежде всего от подозрений в конструировании субъективно предвзятого исследовательского пространства. Исследователь в таком случае не может быть обвинен в фактической избирательности для подтверждения выводов, так как признает границы текста де Сада – границами своих исследовательских возможностей. При обращении к роману нельзя не заметить, что он выстроен по определенной логике в форме некоего сборника историко-философских эссе. Если систематизировать тематику этих выступлений, они, прямо скажем, не безграничны: Бог, Природа, совесть, справедливость, мораль, преступление. Автор не может избежать повторного обращения к данным темам, убеждая читателя в своих принципах по мере развития сюжета. Повторяемость есть признак неслучайности. Для того чтобы подвергнуть анализу некую одну целостную теоретическую систему, имеющую под собой последовательную доказательную базу и рациональную логику, необходимо опираться на другую структурно проработанную систему, основанную на дедуктивном подходе при определении философского смысла исторического процесса. Если мы используем такую теорию для анализа текста, пропитанного историко-философскими идеями, то мы получаем некое подобие эксперимента в точных науках.

Речь идет о коммуникативной теории исторического процесса, исходным пунктом которой является отрицание виталистской парадигмы, основанной на «представлении о людском сообществе как изначальной популяции высокоорганизованных животных, ставящих перед собой, прежде всего задачу удовлетворения материально-физиологических потребностей»

[51, с. 44]. Отсутствие инстинктивных кодов (заложенных у животных изначально) в генетической программе человека принуждает его в любой деятельности активно подключать сознание, формируя, прежде всего, образы предполагаемого результата. Беря за основу такое рассуждение, коммуникативный подход к историческому процессу рассматривает человека как существа, переживающего состояние неопределенности существования (в связи с отсутствием доминирующей инстинктивной программы), и связанного с ним стремления обрести данную определенность. Обретение «определенности» существования осуществляется в ходе коммуникативной выбора, определяемого как «образ истинности» или «картина мира», в соответствии с которой все действия человека – носителя данной мировоззренческой парадигмы вполне объяснимы. «Картина мира является главным средством восприятия, окружающего и ориентации человека в этой жизни. Именно она порождает любые убеждения, идеалы, принципы познания и деятельности, ценностные ориентации и духовные ориентиры. Любое существенное изменение картины мира автоматически влечет за собой изменение в системе указанных элементов» [48, с. 156] - так доктор философских наук К. Б. Соколов определяет близкое к коммуникативной теории исторического процесса понятие «картина мира» как результат экзистенциального выбора. «Картина мира» есть представление о бытии, которое, в свою очередь, определяет сознание, из которого индивид/общество конструирует реальность. «Пространство «исторического» исчерпывается предельной оппозицией двух взаимно неопровержимых и недоказуемых представлений о реальности – религиозноцентристским и безрелигиозным» [52, с. 51]. Данные допущения взаимоисключают друг друга, и при этом каждое предполагает формирование соответствующего типа исторического поведения – императивного (для религиозных обществ) и ситуативного (для обществ без Бога): «Учитывая это, главным коммуникативным отличием упомянутых полярных поведенческих диспозиций неизбежно (исходя из присущих им

представлений о цели и смысле существования человека/общества) является отношение к реальности, предстающей в форме актуальной оперативной информации о себе» [52, с. 51].

«Жюльетта», как катехизис либертена выстроен согласно принципам авторской логики, опирающейся на представление о действительности и вымышленной перспективе ее развития. Исходя из коммуникативной теории данный тип поведения, присущий садическим героям, можно охарактеризовать как ситуативный. Он основывается на удовлетворении интересов конкретной, суверенной личности. Генетическим основанием формирования ситуативного типа поведения является постепенный отказ от религиоцентристского понимания действительности, в рамках которого мир теоцентричен, а главным основанием является абсолютная определенность, выстроенная на основе принятия Бога как точки отсчета всего миропорядка. «В результате отказа от теоцентризма мир становится актуализацией неопределенности в процессуальной форме самосушной, самодостаточной «природы», не имеющей внешнего источника и смысла» [51, с. 53]. Иными словами, в результате секуляризации картины мира человек ищет иные источники упорядочивания действительности, замыкая коммуникативные послы на доступной в данной ситуации форме «я-центризма», «как примитивного протеза пассивных определенностных переживаний». Если член религиоцентристского общества императивен, так как ограничен традиционными догмами, регламентирующими поведение и образ мысли, то ситуативный человек анти-императивен, так как главной целью имеет обслуживание собственных интересов в постоянно меняющемся пространстве, максимальную выгоду из которого можно получить лишь, трансформируя свой собственный стиль поведения. Коммуникативный подход, который был положен в основу теоретического анализа конкретного романа, четко указывает, что вектор человеческого поведения определяет представлением о бытие, исходя из чего вытекают все допустимые

экспликации: политическое устройство, социальные отношения, экономические законы.

Маркиз де Сад конструирует пространство, в котором ситуативный тип поведения доминирует благодаря своим особенностям, положенным в основу анализа данного романа. Первая особенность – индивидуализм: «Индивидуалистический характер поведения связан с кризисом историко-культурной ориентации человека из-за утраты внешней, надличностной точки отсчета и вытекающей из нее системы координат ввиду отказа от религиозности как определенностного коммуникативного формата» [53, с. 43]. Безрелигиозный коммуникативный формат отрицает наличие всеобщей системы координат, в условиях чего единственным абсолютным признается многообразие индивидуальностей, способных выполнять по отношению к себе функции «верховного судьи». Так во втором томе «Жюльетты» гостеприимный хозяин замка - Минский, отличающийся причудами в людоедстве, утверждает: «Таким образом – и в том нет никакого сомнения – единственным критерием справедливости и несправедливости служит эгоистический интерес, и закон одной страны считает справедливым наказать человека за поступок, который заслужит ему почести в другом месте, иными словами, только собственный интерес человека полагает справедливым какой-нибудь поступок, который другим человеком, пострадавшим от него, считается очень несправедливым» [42, с. 5].

Убежденный либертен в роли первой наставницы Жюльетты – мадам Дельбены планомерно выводит из читателя теологические помыслы, используя рациональные доводы: «И даже если бы мне представили доказательства существования Бога, даже если бы им удалось убедить меня в том, что он диктует законы и назначает неких избранных сообщать их простым смертным, если бы мне показали, что в отношениях человека и Бога царит абсолютная гармония и постоянство, - даже тогда ничто не убедило бы меня в том, что я обязана благодарить его за все его дела, ибо, если он не добр ко мне, значит, вводит меня во грех, и мой разум, который он же мне и

дал, не может предохранить меня от греха, ибо – и это вполне логично! – он даровал мне способность мыслить для того лишь, чтобы посредством сего предательского инструмента я все глубже и глубже увязла в грехе и заблуждении» [42, с. 39]. После того, как антирелигиозная прививка сделана, то есть определен экзистенциальный выбор личности, автор формулирует принципы относительно социальных отношений (вопрос справедливости, совести), политического устройства («По примеру Макиавелли я бы хотел, чтобы проспать между королем и чернью была не менее широка, чем между божеством и тараканом, чтобы одним мановением руки монарх мог превратить свой трон в остров в необъятном море крови») [42, с. 285], экономическим отношениям («И если я искренне желаю украсть эти деньги – а желание это, как вы понимаете, было непреодолимым, - разве не разумнее отправить в мир иной человека, который доверил мне их?») [42, с. 61].

Второй особенностью ситуативного, секуляризованного типа мышления является конфликтность. Конфликт возникает в том случае, когда общество автоматизированных эгоцентриков, действующих вне общей системы координат, претендуют на приватизацию определенной среды. В этом случае противостояние выигрывает тот, чьи конкурентные преимущества намного шире, нежели у его оппонента. Вынужденная конфликтность, противостоящая солидаризму религиозноцентристского общества, была подчеркнута еще Т. Гоббсом: «И хотя полезные блага повседневной жизни могут возрасти благодаря людской взаимопомощи, но поскольку этих благ достигнуть легче, господствуя над другими, а не в союзе с ними, то ни у кого не должно оставаться сомнений, что люди по природе своей, если исключить страх, жаждут скорее господства, чем сообщества... Причина взаимного страха заключается как в природном равенстве людей, так и во взаимном желании причинить вред друг другу... равны те, кто располагает равными возможностями друг против друга» [53, с. 44].

Садический герой напрямую указывает, что равенство предполагается Природой, равнодушной и беззаконной, заставляет всех живых существ

естественным путем определять «сильных» и «слабых»: «Чтобы соответствовать своему призванию, сильные волей-неволей должны эксплуатировать слабых, а от последних требуется еще ниже склоняться перед неизбежностью и оставить всякие попытки отстоять свои интересы, потому что им это не под силу» [42, с. 160]. При таком разделении равенство признается лишь между индивидами одного класса, хотя и в их среде существует некая незначительная дифференциация. Так, например, класс эксплуататоров не однороден в силу того, что между ними идет постоянная конкурентная борьба за право обладания определенным набором благ: «Повторяю: ближний ничего для меня не значит, между нами нет никаких позитивных отношений, а если и существует какая-то связь, она заключается в том, чтобы коварством получить от него то, что я не могу отобрать силой» [42, с. 174]. «Социальной акулой» оказывается тот, кто выработал ситуативный тип поведения до такой степени, что обеспечил свою безопасность материальными и политическими гарантиями неприкосновенности.

Следующая особенность человека безрелигиозного общества – редукция, которая предполагает упрощение, сведение сложного к простому. Как поведенческая особенность редукция логически вытекает из процессов примитивизации мировидения, в рамках которого индивид ищет наиболее легкие пути интерпретации явлений [53, с. 45]. «Но что есть жалость? Это чисто эгоистическое чувство: наблюдая людей, попавших в беду, мы жалеем их, опасаясь, как бы подобное не случилось с нами» [42, с. 255] - так примитивно Клервиль объясняет своей подруге одно из проявлений отношений в социуме, сводя все к эгоцентризму. Наиболее ярким примером поведенческой редукции садических героев является рассуждения о душе: «Душа созревает шаг за шагом по мере развития тела, потом, вместе с ним, деградирует, следовательно, душа состоит из частей материального порядка» [42, с. 48]. Редукция сознания постепенно приводит либертена к мысли об отсутствии хоть какой-либо ценности человеческой жизни, легализуя право

распоряжаться людьми «низшего порядка» как собственностью: «Если бы уничтожение живых существ не было одним из фундаментальных законов Природы, тогда бы я поверил, что оно оскорбляет эту непостижимую Природу, но поскольку не бывает природных или естественных процессов, где разрушение не служит необходимым элементом мирового порядка, и поскольку она созидает только благодаря разрушению, совершенно очевидно, что разрушитель действует заодно с Природой».

Четвертая особенность человека безрелигиозного общества – имморализм [53, с. 45]. Отсутствие универсального смысла, поддерживающего этические законы и абсолютные принципы, заставляет отказываться от них как от балласта, «осложняющего оперативную мобильность личности». Освобождение человека от Бога и сопутствующих «предрассудков», автоматически наделяет свободой в отношениях между людьми. Такие категории как добродетель, совесть, справедливость заведомо отрицаемы либертенем: «Собственный, личный интерес – вот перводвижитель человеческого поведения; это надо крепко вбить себе в голову – если сообщник сочтет, что ему выгоднее предать тебя, нежели сохранить тебе верность, тогда, будь уверена, дорогая, он сыграет с тобой злую шутку, в особенности если он слаб духом и, если ему взбредет в голову, что признание очистит ему совесть» [43, с. 33].

Таким образом, применяя коммуникативной теории исторического процесса к тексту маркиза де Сада, мы получаем следующую историософскую конструкцию:

- 1) мир освобожден от Бога и религии, по крайней мере христианской;
- 2) в соответствии с первым постулатом, закладывающим основы безрелигиозной картины мира, конструктивным, последовательно логичным типом поведения должно быть ситуативное, при котором в первую очередь учитываются интересы суверенной, автономной личности;

3) ситуативность в отформатированной системе картины мира предполагает максимальную приспособляемость в контактах с внешней действительностью;

4) условием эффективной приспособляемости является разрешение на утилизацию человека человеком, легкой формой которой является эксплуатация.

Исходя из этого, можно сделать предположение достаточно высокой степени вероятности, что своеобразная реабилитация маркиза де Сада связана с социально-культурными изменениями, в результате которых рассуждения де Сада оправдывают поведение современного человека как ситуативного.

Глава 3. Аналитические возможности «генома» де Сада в приложении к генезису Нового времени

«В лице Сада XVIII век слышит свой собственный голос, в нем он находит своего аккуратного и бесстрашного летописца и в конечном счете через него расплачивается по счетам... Сад ничего не ниспровергает и не разрушает: он укрепляет и усиливает то, что уже есть» [58, с. 434]. Де Сад явился наиболее характерным «симптомом своего столетия и одновременно его диагнозом», переварив все самые, казалось бы, благородные идеалы просветителей, вознаградил общественность мерзкой отрыжкой свободы. «В его книгах мы видим траекторию той убыстряющейся и открывающейся в своих основаниях медленной катастрофы, которая стала нашей каждодневной реальностью» [58, с. 435]. Если мы говорим, что Донасьен Альфонс Франсуа де Сад стал апогеем, литературным оформлением назревшего в среде интеллигенции бунта, то закономерно задать себе вопрос, кто или что явилось его предтечей.

Если век Просвещения признал суверенитет субъекта мыслящего, то суверенитет субъекта верующего был признан ранее несколькими столетиями: религиозная реформа XVI века сформулировала антропологический компонент как «христианскую свободу». Поклонники Реформации отдают ей должное, поскольку она оформила так называемую «протестанскую трудовую этику», стимулировала становление и развитие капиталистической экономики. Логика хозяйственного мышления преломилась почти следом появлением протестанских течений в христианстве, что отмечает немецкий философ и социолог Макс Вебер: «Повсюду, где утверждалось пуританское мироощущение, оно при всех обстоятельствах способствовало установлению буржуазного рационального с экономической точки зрения образа жизни, что, конечно, имеет неизмеримо большее значение, чем простое стимулирование капиталовложений... Пуританизм стоял у колыбели современного «экономического человека» [10,

с. 200]. Если Лютер только обозначил, то Кальвин утвердил и способствовал распространению идее, что человеческая жизнь предопределена Богом, а, следовательно, заранее составлен список «счастливицков». «Совершенно очевидно, что рано или поздно перед каждым верующим должен встать один и тот же вопрос, оттесняющий на задний план все остальное: избран ли я? И как мне удостовериться в своем избранничестве?» [10, с. 138] - снять религиозный страх о своем богоизбранничестве христианин мог только посредством усердного служения Богу в рамках своей профессии. «Если Бог указывает вам этот путь, следуя которому вы можете без ущерба для души своей и не вредя другим, законным способом заработать больше, чем на каком-либо ином пути, и вы отвергаете это и избираете менее доходный путь, то вы тем самым препятствуете осуществлению одной из целей вашего призвания, вы отказываетесь быть управляющим Бога и принимать дары его для того, чтобы иметь возможность употребить их на благо Ему, когда Он того пожелает. Не для утех плоти и грешных радостей, но для Бога следует вам богатеть» [10, с. 191]. Излишняя роскошь трактовалась в протестанской этике как нерациональное использование предоставленных Богом ресурсов и приносила ущерб профессиональной сфере занятости. Предпринимательская деятельность, в свою очередь, встречала полное этическое одобрение, ведь она предусматривала разумную и утилитарную эксплуатацию божественных даров на благо общества и отдельного человека.

Аскетическая бережливость протестантов была вызвана посясторонней обращенностью интересов. Не количество накопленных средств определяло статус богоизбранности, а систематичность их рационального использования «во славу Богу». Макс Вебер подчеркивает, что капитализм тогда приобрел силу, когда утвердился его «дух», заменивший традиционные мировоззренческие порядки, обусловленные религиозными догматами: «Мы говорим о «докапиталистической эпохе» потому, что хозяйственная деятельность не была еще ориентирована в первую очередь ни на рациональное использование капитала посредством

внедрения его в производство, ни на рациональную капиталистическую организацию труда» [10, с. 80]. Человек традиционных хозяйственных отношений был ориентирован не на зарабатывание денег и их последующей конвертацией в новый капитал, а ограничивал потребности рамками «самого необходимого». Протестанская этика создала новый тип мировоззрения, который аллергически относился ко всем проявлениям «старого» порядка: «Индивид в той мере, в какой он входит в сложное переплетение рыночных отношений, вынужден подчиняться нормам капиталистического хозяйственного поведения: фабрикант, в течении долгого времени нарушающий эти нормы, экономически устраняется столь же неизбежно, как и рабочий, которого просто выбрасывают на улицу, если он не сумел или не захотел приспособиться к ним» [10, с. 76]. Логику подобного «экономического отбора» уловил Карл Маркс в своем основополагающем многотомном труде «Капитал», описав в 24 главе процесс первоначального накопления в среде английских лендлордов.

Обращаясь к фактическому материалу исторической науки, можно увидеть, что первой страной, апробировавшей и утвердившей капитализм как альтернативу традиционным отношениям, была действительно Англия XV-XVI вв., преимущественно аграрная на тот момент: «Наиболее динамичным и бурным было аграрное развитие Англии XVI-XVII вв. Общеисторические закономерности перехода европейского средневекового общества к буржуазному строю ярко проявились в экономической (и особенно аграрной) истории этой страны, раньше других вступившей на путь капиталистического развития» [12, с. 12]. Еще Монтескье сказал в «Духе законов», что англичане превзошли все народы в трех весьма существенных вещах - в набожности, торговле и свободе. Карл Маркс преломил происходившие в английской деревне процессы под собственным углом зрения – материалистическим, рассмотрев в 24 главе «Капитала» проблемы огораживания и связанного с ним первоначального накопления. Этот ограниченный смысловыми рамками текст интересен, во-первых, как

глубокое исследование генезиса капитализма и связанных с ним аграрных «переделов» в частности, а во-вторых, научная логика автора, обусловленная особым, свойственным не только ему взглядом на исторический процесс. Маркс в своем научном труде выразил общеевропейскую тенденцию абсолютизации экономического фактора, на основе чего сконструировал строгую материалистическую концепцию исторического процесса. Раскрывая «тайну первоначального накопления», Маркс пишет: «Экономическая структура капиталистического общества выросла из экономической структуры феодального общества. Разложение последнего освободило элементы первого» [30, с. 664]. С авторской точки зрения феодальная структура общества мало чем отличалась от капиталистической: элементы экономической эксплуатации заменили элементы эксплуатации насильственной. То есть необходимо признать, как аксиому, что на протяжении всей истории человеческих отношений существовала эксплуатация, имевшая целью обеспечить материальное благосостояние «немногих» за счет «бедности широких масс». «Если рассматривать историю человечества в плане материальном, - как указывает известный отечественный медиевист А. Я. Гуревич, - технического прогресса, то, по-видимому, можно предположить, что люди должны были более или менее сознательно стараться улучшать условия своего материального существования, производить больше продуктов питания для того, чтобы обеспечивать себя и свои семьи, поддерживать государственную власть и т.д. казалось бы, это бесспорно и вместе с тем мы видим, что в традиционных цивилизациях колоссальное количество силы и материальных средств расходовалось часто вовсе неразумно: не на производство и развитие техники, а, напротив, с точки зрения технического прогресса – иррационально, деструктивно. На что в Египте больше всего тратилось силы и рабочих средств? На повышение урожайности? На постройку плотин? На строительство жилых домов? Нет! На постройку колоссальных усыпальниц для фараонов!» [18, с. 246]. Таким образом, возникает проблема

рассмотрения традиционных отношений как эксплуатационных, поскольку докапиталистические формации не предполагали рационализацию хозяйства до категории «выгодности».

Указывая на акт первоначального накопления как отправной точки, Маркс называет его «экономическим грехопадением» подобно грехопадению в теологии. Инициатором этого переворота являлись «феодалы», «стоявшие в самом резком антагонизме к королевской власти и парламенту, создали несравненно более многочисленный пролетариат, узурпировав общинные земли и согнав крестьян с земли, на которую последние имели такое же феодальное право собственности, как и сами феодалы» [30, с. 666]. Далее Маркс добавляет, что выход феодалов за рамки своих средневековых прав и обязанностей было напрямую связано с изменением рыночной конъюнктуры («повышение цен на шерсть»). С точки зрения коммуникативного подхода, допускающего только два формата реальности – религиозного и безрелигиозного, в традиционном обществе материальная, хозяйственная деятельность рассматривается как важна в силу необходимости, но безусловно второстепенная относительно цели и смысла жизни. Другими словами, абсолютизация экономического фактора при феодальных общественных отношениях немислима в силу того, что мировидение не допускает ресурсного отношения к окружающей действительности.

В этой связи для выяснения феномена произошедшего «грехопадения» (не тороплюсь называть его, подобно Марксу, экономическим), необходимо обратиться к высказыванию К. Б. Соколова: «Любое существенное изменение картины мира автоматически влечет за собой изменение в системе указанных элементов». Указанные элементы – это те, которые в понимании Маркса составляют базис любой формации, то есть развитие материальных производственных сил и производственные отношения: «Способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще. Не сознание людей определяет их

бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание» [31, с. 2]. Иными словами, здесь можно увидеть противоречие, заключающееся в том, что автор ставит определяющим фактором не «экзистенциальный выбор личности», совершаемый в его сознании задолго до того, как «материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями», а именно те самые материальные, или, лучше сказать, экономические условия.

Сравнение с теологическим грехопадением можно допустить, так как при допущении коммуникативности истории, мы совершаем переход от одного допустимого формата (определенностного, религиозного) к другому (неопределенностному, безрелигиозному), или в нашем случае – к переоценке значения экономических возможностей. Однако для того, чтобы «вкусить запретный плод» английским лендлордам потребовалось, как и первым людям на Земле, совершить определенные сознательные перестроения в схеме представления об устройстве сферы бытия. «Могущество феодальных господ, как и всяких вообще суверенов, определялось не размерами их ренты, а числом их подданных, а это последнее зависит от числа крестьян, ведущих самостоятельное хозяйство» [30, с. 671] - вполне правильная характеристика традиционных феодальных отношений, обеспечиваемого такой организацией жизнедеятельности, при которой каждый индивид гарантировал право существования другого с целью достижения общего идеала. Экономика в таких обществах не представляла ключевой сферы приложения сил, а была лишь вспомогательным элементом: «Излишняя концентрации внимания на вопросах хозяйствования, особое рвение к этому однозначно осуждается не только в священных текстах, но и в фольклорных традициях. В этих обществах нет экономики как самодостаточного и эффективного вида деятельности» [53, с. 55]. И в тот момент, когда мерилom значимости человека в обществе становится «размер ренты», происходят все остальные преобразования во всех прилагаемых

сферах – экономике, социальных отношениях, политической структуре и другое.

Советский историк С.И. Архангельский, который исследовал никем до него не разрабатывавшуюся проблему земельных сдвигов периода революции в Англии середины XVII века, приводит отрывок из жалобы крестьянина на происходящий аграрный «передел»: «Лендлорды благодаря своей власти и произволу нарушают все наши старые обычаи и справедливые привилегии, возлагая на нас бремя, которое ни мы, ни наши земли не в состоянии вынести...» [1, с. 74]. Старые обычаи и справедливые привилегии, на протяжении нескольких веков, по выражению Маркса, являвшиеся залогом «народного богатства», были вытеснены за рамки новой «картины мира», требующей «расширения» представления о моральном и неморальном. Изменение лендлордами своей социальной функции Маркс понимает как следствие давления экономически обусловленных факторов, будто бы совершенно неподвластных человеческому регулированию: «Собственной своей властью они превратили свое право собственности в силу титула в право частной собственности и, натолкнувшись на сопротивление рядовых членов клана, решили согнать их с земли путем открытого насилия» [30, с. 676]. «Знаменитая XXIV глава первого тома «Капитала» прекрасно иллюстрирует процесс конвертации английским и шотландским сословием воинов и управленцев своей традиционной диспозиции в эгоцентристские материальные преференции» [53, с. 56] - так с точки зрения коммуникативного подхода переворот случился не под влиянием довлеющей над правящей элитой внешнеэкономической ситуации, а в сознательной переоценке параметров действительности. И в рамках нового понимания смысла существования все внутри и внешнеэкономические импульсы становятся настолько чувствительны, что приспособляться к ним приходится через наступление на ранее установленные неформальные законы общественного порядка. И Маркс сам прямо об этом пишет: «Они уничтожили феодальный строй поземельных

отношений, т.е. сбросили с себя всякие повинности по отношению к государству, «компенсировали» государство при помощи налогов на крестьянство и остальную народную массу, присвоили себе современное право частной собственности на поместья, на которые они имели лишь феодальное право...» [30, с. 670] - данное положение выводится им как следствие поведения лендлордов под давлением экономической ситуации, потребовавшей изменения роли феодального эксплуататора феодального на капиталистического. Но при уже доказанной противоречивости вывода об эксплуатационных отношениях феодализма, с точки зрения коммуникативной теории исторического процесса данное положение, выведенное Марксом как следствие, больше напоминает причину, причем не только социально-экономических «происшествий».

«Люди, изгнанные вследствие роспуска феодальных дружин и оторванные от земли то и дело повторяющейся, насильственной экспроприацией, - этот поставленный вне закона пролетариат поглощался нарождающейся мануфактурой далеко не с такой быстротой, с какой он появлялся на свет. С другой стороны, люди, внезапно вырванные из обычной жизненной колеи, не могли столь же внезапно освоиться с дисциплиной своей новой обстановки» [30, с. 680]. В своей работе «К критике политической экономии» Маркс указывает на то, что «на определенной ступени развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями» [30, с. 3], и тогда последние оказываются тормозом для развития всей экономики в целом. При этом необходимо учитывать, что любые, в том числе производственные, отношения, складываются при наличии двух сторон. В нашем случае, если одна сторона – некогда бывшее военно-служилое сословие удачно для себя адаптирует элементы сознания, создавая этим вокруг себя совершенно новые тенденции экономического, политического и другого плана, то второй стороне гораздо труднее освоиться с «дисциплиной своей новой обстановки». Эту тенденцию раннекапиталистического периода отмечает также М.Вебер:

«Прежней уютной, спокойной жизни приходил конец, наступала пора суровой трезвости: те, кто подчинялся законам времени и преуспевал, хотели не потреблять, а приобретать; другие стремились сохранить прежний строй жизни, но вынуждены были ограничить свои потребности. При этом - что самое главное - не приток новых денег совершал, как правило, этот переворот, (в ряде известных нам случаев весь процесс революционирования совершался при помощи нескольких тысяч, взятых в займы у родственников), но вторжение нового духа, а именно «духа современного капитализма» [10, с. 80].

Далее Маркс пишет: «Законодательство рассматривало их как «добровольных» преступников, исходя из того предположения, что при желании они могли бы продолжать трудиться при старых, уже не существующих условиях» [30, с. 680]. Автор здесь прямо указывает на невозможность функционирования в рамках феодальных отношений, определяя их как «уже не существующие». Но при этом Маркс делает ставку на процесс материального производства, в восприятии главного производящего класса революционно сменившего традиционные принципы труда. Коммуникативный подход в своих рассуждениях исходит из понимания того, что при решении навигационной задачи в рамках освоения дектического пространства, индивид выбирают проекцию действительности, наиболее удовлетворяющую его представление о смысле существования. И в данном случае избежать возникновения «кровавых законов» можно было бы в том случае, если бы проекции мировидения одного социального полюса совпадали бы с проекциями другого. Исходя из этого, преступное поведение – это и есть попытка найти способ выстроить коммуникацию с окружающей действительностью, не меняя диспозиции. «С дальнейшим ростом капиталистического производства развивается рабочий класс, который по своему воспитанию, традициям, привычкам признает условия этого способа производства как само собой разумеющиеся естественные законы» [30, с. 682] - таков логический ход событий, вытекающий из решения

навигационной проблемы и связанных с ней допустимых коммуникативных форматов, что неосознанно подмечает Маркс как «само собой разумеющиеся естественные законы». Единственное, что в приведенном отрывке противоречит выбранному мной для анализа подходу – неуместное применение словосочетания «способ производства», так как «экономика, политика, социальные отношения, культура и т.д. являются только отдельными частными, специализированными формами коммуникации, играющими подчиненную роль в достижении главного – результата – реализации цели и смысла существования» [51, с. 50].

Отечественные исследователи аграрной революции в Англии, следуя за логикой экономически обусловленных социальных и политических явлений, связывают, как и Маркс, процессы огораживания с секуляризацией церковных земель более позднего времени: «Насильственная экспроприация народных масс получила новый страшный толчок в XVI столетии в связи с Реформацией и сопровождавшим ее колоссальным расхищением церковных имений» [30, с. 670]. Эти явления объединены не столько принципом перераспределения земельной собственности из одних рук в другие, сколько исходным основанием – представлением о цели и смысле жизни. «Церковная собственность составляла религиозную твердыню традиционных отношений земельной собственности. С падением этой твердыни не могли устоять и эти отношения» [30, с. 670] - в этих двух предложениях Маркс устанавливает влияние экономических перемещений собственности на некогда былую религиозность общества, совершенно не замечая, что именно вторая, потеряв свое значение для правящего сословия, стала причиной всех аграрных процессов.

«Мы уже видели, что насильственная узурпация ее (общинная собственность), сопровождаемая обыкновенно превращением пашни в пастбище, началась в конце XV и продолжалась в XVI веке. Однако в те времена процесс этот совершался в форме отдельных индивидуальных насилий, с которыми законодательство тщетно боролось в течении 150 лет. В

XVIII столетии обнаруживается прогресс в том отношении, что сам закон становится орудием грабежа народной земли, хотя попутно крупные фермеры применяют и свои собственные маленькие методы» [30, с. 672] - данная политическая легализация прав на изъятие земельного фонда оказалась уже объективно вытекающим следствием из всех предшествующих событий. Земля поменяла свой статус в рамках новой коммуникативной реальности, став прибыльной сферой деятельности вместо традиционного понимания ее роли как вспомогательное средство обеспечения жизнедеятельности. И с точки зрения коммуникативного подхода этот процесс представляется любопытным, а точнее то, как некогда продуцированная в сознании идея породила все «логические экспликации». Данные экспликации с каждым разом обнаруживали себя как «необходимости», будь то насильственный сгон крестьян с их земель, закрепленных феодальным правом, секуляризация церковных земель, окончательно сломившая религиозное миропонимание, законодательное оформление преступных с точки зрения традиционной морали актов, и даже появление в научной сфере таких терминов как «высвобождение» крестьян для промышленности, напоминающих способ в сознании оправдать «вынужденность» капиталистических мер.

Коммуникативная теория исторического процесса в своих основаниях опирается на два предельных допущения, вариации и срединные положения между которыми в человеческой жизни невозможно предусмотреть - это религиозноцентристского и безрелигиозного. Прилагая к рассмотрению аграрных процессов английской социально-экономической ситуации на стыке эпох данный подход, мы вполне можем позволить себе утверждать, что сознание европейской цивилизации в этот период изменило ракурс с одного допустимого коммуникативного формата на другой. Очень близко к данному рассуждению подошел советский историк Ю. М. Сапрыкин, который в своей статье «Принцип индивидуализма в английской политической литературе конца XV—XVI в.» обратил внимание на все

возрастающую тенденцию индивидуалистических настроений, почерпнутую из сочинений итальянских, а затем и английских гуманистов. «Самые различные источники свидетельствуют, что в английском обществе в это переломное время стремление людей к собственному благу во всех социальных слоях и во всех сферах общественной жизни не только приводило к все большему освобождению от феодальных ограничений и морали, но уже приобретало явные черты эгоизма и хищничества. Анализ этических идей в произведениях наиболее крупных представителей буржуазно-дворянского направления английской политической мысли XVI в. приводит к такому заключению: эволюция этих идей неуклонно шла в направлении осознания индивидуализма как морального принципа нового имущего меньшинства - буржуазии и нового дворянства» [46, с. 56]. Единственное замечание: в первом предложении было бы справедливо достаточно просто упомянуть «освобождение от феодальной морали», чтобы максимально приблизиться к сущности происходящих явлений. Но в целом рассуждения Ю. М. Сапрыкина о генезисе индивидуалистического сознания на базе «феодальных структур» вполне соответствует характеристике неопределенного типа личности, с которым мы встречаемся при изучении коммуникативного подхода. Такой тип характеризуется антропоцентризмом, ситуативностью поведения в зависимости от кажущихся ему давящих условий изменяющейся «среды обитания», а также индивидуализмом, «стремлением к максимальной автоматизации человеческой личности».

При всех достоинствах формационной теории, нельзя поспорить с тем, что в ней есть определенные противоречия, заключающиеся прежде всего в ошибочном понимании экономики как движущей силы всего исторического процесса. С точки зрения коммуникативного подхода экономика и все другие сферы деятельности человека являются лишь экспликациями, логически вытекающими из интуитивно выбранного индивидом коммуникативного формата, создавшего образ допустимых пределов коммуникации с окружающим миром. Данную особенность подметил М. Вебер в

рассуждениях об особенностях протестанского духа: «Для того чтобы мог произойти соответствующий специфике капитализма «отбор» в сфере жизненного уклада и отношения к профессии, то есть для того, чтобы определенный вид поведения и представлений одержал победу над другими, он должен был, разумеется, сначала возникнуть, притом не у отдельных, изолированных друг от друга личностей, а как некоторое мироощущение, носителями которого являлись группы людей... Что касается наивных представлений исторического материализма о возникновении подобных «идей» в качестве «отражения» или «надстройки» экономических отношений, то на них мы подробнее остановимся в дальнейшем» [10, с. 77].

«Наивными представлениями» Вебер, вероятно даже по справедливости, называет марксистское понимание последовательности исторических явлений. В рассуждениях вышеупомянутого философа и социолога прослеживается более убедительная трактовка причинно-следственная обусловленности, сходная с логикой коммуникативной теории исторического процесса - за Реформацией религиозной последовала реформация хозяйственная, или социально-экономическая: «Как указывает Уэкли, великие религиозные движения, чье значение для хозяйственного развитие коренилось прежде всего в их аскетическом воспитательном влиянии, оказывали наибольшее экономическое воздействие, как правило, тогда, когда расцвет чисто религиозного энтузиазма был уже позади, когда судорожные попытки обрести царство Божие постепенно растворялись в трезвой профессиональной добродетели и корни религиозного чувства постепенно отмирали, уступая место утилитарной посюсторонности» [10, с. 202].

Утилитаризм стал нормой общественной жизни при росте капиталистических отношений, обуславливая их успешность. Деятели эпохи Просвещения вступили в имущественные права по распространению и углублению утилитаризма как принципа человеческих отношений, возводя

на этой основе свои стройные концепции. Маркиз де Сад, в свою очередь, довел до абсолюта идею нравственной и физической эксплуатации.

Глава 4. Применение темы квалификационной работы в школе на уроках истории

4.1 Теоретический аспект

Историческое образование на ступени основного общего образования играет важнейшую роль с точки зрения личностного развития и социализации учащихся, приобщения их к национальным и мировым культурным традициям, интеграции в исторически сложившееся многонациональное и многоконфессиональное сообщество. В процессе обучения у учащихся формируются яркие, эмоционально окрашенные образы различных исторических эпох, складывается представление о выдающихся деятелях и ключевых событиях прошлого. Изучение всеобщей истории способствует формированию общей картины исторического пути человечества, разных народов и государств, преемственности исторических эпох и непрерывности исторических процессов. Курс дает возможность обучающимся научиться сопоставлять развитие России и других стран в различные исторические периоды, сравнивать исторические ситуации и события, давать оценку наиболее значительным событиям и личностям мировой истории, оценивать различные исторические версии событий и процессов.

Переход с концентрической на линейную систему обучения предполагает пересмотр учителями истории тематической взаимосвязи курса отечественной истории и всеобщей истории. Однако если курс отечественной истории строго ориентирует учителя на Историко-культурный стандарт, в котором наглядно отражены основные требования к знаниям учащихся, то в курсе всеобщей истории учитель не имеет таких строгих рамок. Главное требование – отвечать гражданско-патриотическим принципам стандарта и синхронно представлять темы [15, с. 3]. Следовательно, Историко-культурный стандарт в нашей работе не может представлять базового, опорного документа при разработке урока.

Поскольку тема данной выпускной квалификационной работы не представлена также ни в одном школьном учебнике, мы рассмотрели ряд сопутствующих и косвенно причастных вопросов. В нашем случае это воззрения философов просветителей XVII – XVIII веков, которые так или иначе оказали влияние на становление историко-философской концепции маркиза де Сада и в целом формировали идейное поле социальной действительности. При рассмотрении темы «Эпоха Просвещения» мы можем привести примеры отечественных просветителей и их влияния на российскую интеллигенцию, о чем есть упоминание в Историко-культурном стандарте (раздел «Россия на рубеже XVII—XVIII вв.»).

Поскольку нет аналогично разработанной линейки по всеобщей истории, преподаватель должен опираться на комплекс учебно-методической литературы, посвященной вопросам всеобщей истории. При разработке урока мы обратились к учебникам по всеобщей истории, чтобы выяснить, насколько полно отражена рассматриваемая тема. Первым мы рассмотрим учебник под редакцией А.В. Ревякина «Новая история, 1500 – 1800» для 7 класса, в котором 15 параграф посвящен эпохе Просвещения [37, с. 140]. Информация в параграфе структурирована и представлена доступным языком, подпункты выделены жирным шрифтом, почти на каждой странице присутствует изображения деятеля эпохи с цитатой, отражающей основную суть его воззрений. Вопросы на размышления представлены как в тесте параграфа, так и по его завершению. Авторы учебника предлагают учащемуся по итогам изучения темы заполнить таблицу, которая предусматривает указание имени представителя просвещенческой элиты и краткое содержание его теории. Данное задание было нами заимствовано в разработке собственного урока по указанной теме. Параграф завершается документом «Из трактата Джона Локка» и двумя вопросами к нему.

Для сравнения, наряду с учебником за 7 класс, нами был рассмотрен учебник для старших школьников того же авторского состава. В данном учебнике интересующую нас тему можно изучить в 20 параграфе – «Наука и

общественная мысль». Конкретно тема «Просвещение» выделена лишь как подпункт параграфа. В конце параграфа представлены 3 документа, которые могут помочь учителю организовать изучение темы на конкретных исторических примерах. Иллюстративный аппарат крайне скуден: всего одно изображение на довольно-таки объемную и содержательно сложную тему. Вопросы исключительно после параграфа и имеют репродуктивный характер [37, с. 250].

В учебнике А.Я. Юдовской и П.А.Баранова «Всеобщая история. История Нового времени 1500 – 1800 г., 7 класс» целая глава посвящена эпохе Просвещения, но наиболее интересный материал представлен в 20 параграфе – «Великие просветители Европы» [57, с. 176]. Данный учебник учитель может использовать как базовый при подготовке и проведении урока, поскольку содержание отражено максимально полно, а язык письма – простой и понятный. Также стоит отметить иллюстрации, которые почти на каждой странице сопровождают текст. Каждый тематический блок в параграфе выделен в подтему, а его наименование выделено жирным шрифтом. Ключевые выводы выделены цветной рамкой, как и вопросы с заданиями в конце параграфа. Наибольший интерес представляют рубрики «Расширяем горизонт истории» и «Свидетельство эпохи», в которых учащийся может познакомиться с дополнительными сведениями по изучаемой теме. Общим выводом хотелось бы заключить, что последний из рассматриваемых учебников в наибольшей степени подходит для проведения урока в 7 классе по теме «Эпоха Просвещения».

Для проведения урока по теме «Эпоха Просвещения» педагог может использовать не только комплект учебников по данному учебному курсу, но и опираться на межпредметные и межкурсовые связи. В нашем уроке мы представили логическую взаимосвязь тем, посвященных эпохе Возрождения в европейских странах, с изучаемыми доктринами просветителей рубежа XVII – XVIII веков. Межпредметные связи явно прослеживаются с такой дисциплиной как «обществознание», поскольку рассматриваются не только

вопросы форм правления (республика, монархия), но и в целом идеи анализ духовной сферы новоевропейского общества.

Сегодня одной из основных задач обучения школьников является создание условий для самостоятельного приобретения и осмысления знаний. А задача современного учителя - не преподносить знания учащимся, а создать мотивацию и сформировать умения учиться самостоятельно. Современное сотрудничество учителя и ученика предполагает умение педагога направлять самостоятельность ученика, которая, в конечном итоге ведёт к определению цели, автоматизации его познавательной деятельности. В процессе обучения английскому языку наиболее эффективное восприятие и усвоение учебного материала происходит в результате межличностного познавательного общения и взаимодействия всех участников. Взаимодействовать, общаться – значит, вести беседу, диалог с кем-либо. Диалоговое обучение, в ходе которого осуществляется взаимодействие учителя и ученика, является одной из наиболее продуктивных технологий при обучении английскому языку. Диалоговое обучение - это специальная форма организации познавательной деятельности. Суть состоит в том, что учебный процесс организован таким образом, что практически все учащиеся оказываются вовлечёнными в процесс учения, познания, они имеют возможность понимать и оценивать то, что они знают. Совместная деятельность учащихся в процессе освоения учебного материала означает, что каждый вносит свой вклад в учебный процесс, идёт обмен знаниями, идеями, что позволяет не только получать новые знания, но и развивает познавательную деятельность, придает ей особые формы сотрудничества. Диалоговое общение ведёт к взаимопониманию, взаимодействию, к совместному решению общих, но в тоже время значимых для каждого участника задач. Диалоговое обучение успешно решает еще одну существенную задачу: снятие нервного напряжения, переключение внимания, смена форм деятельности. Среди диалоговых технологий выделяют: проблемно-поисковые диалоги, семинары-дискуссии, учебные

дискуссии, эвристические беседы, анализ конкретных ситуаций, мозговой штурм. Каждую из перечисленных форм будет уместно применить на нашем уроке, поскольку содержание темы располагает выход на обсуждение проблем мировоззренческого характера. Вспомогательным материалом для проведения урока с использованием диалоговых форм будут выступать сочинения мыслителей Просвещения, чтобы учащиеся могли на конкретном историческом материале составить план аргументации, представить ответную реплику на тезис оппонента. Просветители поднимают такие темы, которые небезынтересны современному человеку, поэтому учащиеся смогут активно включиться в беседу, привлекая свои полученные ранее знания и житейский опыт.

Наряду с формами диалоговой технологии учителя применяют технологию проблемного обучения. Сегодня под проблемным обучением понимается такая форма организации учебных занятий, которая предполагает создание под руководством учителя проблемных ситуаций и активную самостоятельную деятельность учащихся по их решению, в результате чего и происходит овладение знаниями, навыками, умениями и развитие мыслительных способностей.

При проблемном обучении деятельность учителя состоит в том, что он, давая в необходимых случаях объяснение содержания наиболее сложных понятий, систематически создает проблемные ситуации, сообщает учащимся факты и организует их учебно-познавательную деятельность. На основе анализа фактов учащиеся самостоятельно делают выводы и обобщения, формулируют (с помощью учителя) определение понятий, правила, или самостоятельно применяют известные знания в новой ситуации. При проблемном обучении учитель систематически организует самостоятельные работы учащихся по усвоению новых знаний, умений, повторению закреплённого и отработке навыков. Учащиеся сами добывают новые знания, у них вырабатываются навыки умственных операций и действий, развиваются внимание, творческое воображение, догадка, формируется

способность открывать новые знания и находить новые способы действия путем выдвижения гипотез и их обоснования.

Применение данной технологии на нашем уроке является не столько возможностью, сколько необходимостью. Учитель создает проблемную ситуацию для учащихся в форме заданий разного уровня сложности: от анализа схемы до решения проблемной задачи целого урока. В разработанном нами уроке проблемная задача звучит следующим образом: «Сегодня нам с вами необходимо будет внимательно с ними познакомиться и сформулировать лозунг эпохи Просвещения. Также вам необходимо будет заполнить таблицу». Ученики самостоятельно работают над раздаточным материалом, овладевая в процессе знаниями по теме и общими принципами решения проблемных задач. В конце урока учитель подводит итоги в форме групповой работы учащихся – создания плаката, на котором отражен лозунг эпохи Просвещения. Чтобы справиться с этим заданием, ученикам необходимо обобщить все полученные знания в ходе урока и оформить в краткой, творческой форме.

Крайне продуктивной формой работы в рамках нашего урока является работа в группах, поскольку позволяет в максимальной степени использовать диалоговую технологию и технологию проблемного обучения. Групповая форма обучения есть способ организации совместной деятельности учащихся в малых группах при опосредованном руководстве и в сотрудничестве с учителем. Учащиеся в процессе активной беседы решают поставленную учителем задачу, презентуют результат совместной деятельности всему классу, аргументируют и отстаивают точку зрения того деятеля просвещения, над концепцией которого они работали. В процессе такой работы решается несколько педагогических задач: активизируется познавательная деятельность, развиваются навыки самостоятельной учебной деятельности, происходит развитие умений успешного общения, что способствует совершенствованию межличностных отношений в классе.

Использование в педагогической практике образовательных технологий стало неотъемлемой частью образовательного процесса. Важным вопросом в данном контексте выступает вопрос о способности преподавателя достаточно эффективно использовать уже имеющиеся инновационные технологии, самостоятельно их создавать. Речь идет о технологиях компетентностно-ориентированного обучения: «Синквейн», «Шляпа мышления», «Кластер» и другие. Кластер подразумевает такой вариант обучения, когда учащиеся на основе имеющихся представлений создают схему по заданному термину (отражающему тему), подбирая к нему признаки, свойства, характеристики. Применительно к нашему уроку можно использовать для кластера само понятие «Просвещение», чтобы класс смог подобрать как можно больше слов, связанных с этим понятием.

При составлении синквейна учащиеся также составляют схему, но ее формат в данном случае более содержательный и побуждает учеников к более глубокому размышлению: к заголовку подбирают сначала два прилагательных, затем три глагола, затем фразу, несущую смысловую нагрузку, а затем ключевой вывод. При составлении синквейна мы аналогично кластеру можем рассмотреть понятие «Просвещение», но сделать это не в начале урока, а в конце, чтобы закрепить полученные знания.

Еще один вариант технологии компетентностно-ориентированного обучения – шляпа мышления – имеет целью развитие умения формировать и грамотно аргументировать свою позицию. В технологии применяется шесть шляп, каждая из которых выражает ту или иную позицию. Для нашего урока это наиболее интересная форма применения урока, поскольку можно разделить класс на группы таким образом, что одна группа будет отстаивать необходимость интеллектуальных реформ эпохи Просвещения, другая – оппозиционную точку зрения, третья – представит результат прогностической работы и так далее. Все три рассмотренных варианта построения процесса обучения способствуют активизации познавательной

деятельности учеников на творческой основе, обеспечивают максимальную включенность, гарантируют реализацию принципа сотрудничества на уроке.

В ФГОС общего образования предложена новая структура учебного плана, в состав которого в качестве одного из главных компонентов включена внеурочная деятельность, которая, являясь неразрывной частью образовательного процесса, направлена на становление личностных характеристик учащихся, достижение личностных и метапредметных результатов освоения обучающимися основной программы основного общего образования. Действительно, внеурочная деятельность позволяет превратить обучение из скучной повседневной рутины в захватывающий процесс. Вся внеурочная работа по истории классически делится на три основных направления: массовая, групповая и индивидуальная. В массовой внеурочной деятельности выделяются следующие виды:

- исторические вечера;
- исторические экскурсии;
- викторины и конкурсы;
- олимпиады;
- конференции;
- недели истории;
- просмотр исторических фильмов.

Групповая внеурочная работа включает в себя:

- исторический кружок;
- исторические общества;
- выпуск исторических газет и журналов;
- факультативы.

И, наконец, индивидуальная внеурочная деятельность подразумевает написание рефератов и докладов, выполнение творческих заданий. Каждую форму можно применить к рассматриваемому уроку.

Формы массовой работы принадлежат к числу наиболее распространенных в школе. Они рассчитаны на одновременный охват многих

учащихся, им свойственна красочность, торжественность, яркость, большое эмоциональное воздействие на детей. Для рассмотрения интересующей нас темы можно применять практически все формы массовой работы: исторический вечер с участием просветителей, викторину и конференцию по итогам изучения темы, на неделе истории выбрать день, который будет посвящен эпохе Просвещения, на классном часу посмотреть интересный тематический фильм.

Таким образом, внеурочные занятия в единстве с учебными образуют систему «школьно-внешкольного образования», позволяющую оптимально решать проблему индивидуализации и дифференциации обучения как средства развития личности учащегося. Внеурочная работа стимулирует учителя в поиске средств и способов развития школьников с учетом их индивидуальных интересов, и способностей. Организация этих занятий по истории ориентирует на углубленное изучение предметов, развивает у учащихся интеллектуальную и эмоциональную сферу личности. Школьник, являющийся соучастником внеурочной деятельности, включенный в продуктивную социально и личностно-значимую деятельности, совершенствует себя как личность.

Рассмотренные формы и методы позволяют сделать вывод, что тема «Эпоха Просвещения» богата не только в плане содержания, но и в плане вариативности раскрытия этого самого содержания для учеников средней школы. Учитель тем самым реализует не только образовательные и развивающие цели урока, но и способствует воспитанию подрастающего поколения.

4.2 Практическая часть

Основная цель преподавания истории в школе – развитие личности ученика на основе знания прошлого и умения ориентироваться в важнейших достижениях мировой культуры. Развитие личности предполагает, прежде всего, формирование творческого мышления, способности критически анализировать прошлое, настоящее, делать собственные выводы на основе самостоятельного изучения исторических источников. История должна ставить ученика перед проблемами нравственного выбора, честно показывая сложность и неоднозначность моральных оценок исторических событий. Ученик получает право на субъективность и пристрастность на обоснование своих решений нравственных проблем истории. Необходимо воспитывать историзм - умение понимать и оценивать события прошлого в их взаимосвязи, уникальных для каждого отдельного исторического момента, осознавать постоянную изменчивость мира и общества в их целостности, процесс возникновения, развития и исчезновения общественных явлений. Реализация поставленных задач ложится на плечи школьного учителя, который, в свою очередь не может правильно диагностировать и спрогнозировать вектор нравственного развития каждого учащегося в отдельности. Только комплекс правильно подобранных форм, методов, технологий позволяет в теоретическом плане насытить урок воспитательным потенциалом. При планировании нашего урока мы старались руководствоваться вышеописанными принципами, обращая внимание на уже накопленный в педагогической среде опыт по выбранной теме.

Большинство рассмотренных методических разработок учителей по теме «Эпоха Просвещения» предлагают учащимся работу по усвоению информационных блоков, связанных с именами просветителей, избегая прогностических видов деятельности. Так, например, в конспекте урока учителя истории и обществознания Калиниченко С. В. предполагается разделить класс на группы, а результатом работы должен стать кластер по рассматриваемой каждой группой теме. Учитель предусмотрел работу с

источниками, но она имеет в большей степени репродуктивный характер, не позволяя ученикам развивать аналитические способности.

При рассмотрении другого урока, автором которого является С. И. Волкова, мы видим, как автор методической разработки грамотно подходит к применению межкурсовых и междисциплинарных связей: в уроке используется материал «Эпохи Возрождения» на примере стихов В.Я. Брюсова:

«Стремилась все - открыть, изобрести,
Найти, создать... Царила в эти годы
Надежда – вскрыть все таинства природы».

А от Просвещения прокладывается логический мост к революционным событиям конца XVIII века:

«К великой цели двигались народы.
Век философии расцвел, отцвел,
Он разум обострил, вскрыл глубины зол
И людям вспыхнул маяком свободы».

Наиболее удачная методическая разработка, на наш взгляд, была встречена у учителя истории и обществознания Н.С. Летвиновой, в которой она предлагает ученикам создать индивидуальный проект на уроки – страничку из энциклопедии, посвященную знаниям просветителей. На ее уроке идет речь не только о политических и культурных изменениях в жизни новоевропейского человека, но и подчеркивается смена жизненных приоритетов в вопросах веры: с Бога на человеческий Разум. Для отражения нашей темы подобная идея является основополагающей.

В процессе анализа педагогического опыта нами была найдена работа реферативного характера с элементами исследования. Ученик пытается раскрыть степень влияния просветительских идей Европы на характер российских реформ XVIII века. Работа была написана под руководством педагога-консультанта – учителя истории Конаковой Е.Н. В данном исследовании нам интересен первый параграф: «Философские истоки идей Просвещения», в котором автор делает важные заключения об

изучаемой эпохе: «Вера в авторитеты уступила место последовательному скептицизму. Традиционную сословную структуру общества должна была сменить новая форма государства, основанная на власти разума и закона». В такой совместной работе, как мы видим, учащиеся самостоятельно постигают ведущие понятия, овладевают методами научного познания, происходит формирование интереса к предмету.

Иной формой индивидуальной работы учащегося по заданной теме является написание сочинения-рассуждения. В просторах сети Интернет мы нашли подобную работу, автором которой является ученик 7 «А» класса Фидченко А. Он высоко оценивает результаты деятельности просветителей, подмечает их вклад в развитие интеллектуальной мысли Европы: «Эпоха Просвещения — одна из замечательных страниц в истории западноевропейских культур. Просветителями называют идеологов XVIII столетия, философов и писателей, которые выступили с критикой феодальных порядков. Просветители были убеждены в том, что именно ум, идеи, знания правят миром». Подобный формат работы можно использовать и на нашем уроке, если переформулировать тему и сделать ее более конкретной, чтобы ученик смог не просто выразить свое эмоциональное отношение, но и аргументировать его.

Таким образом, нами были рассмотрены некоторые результаты педагогического опыта в рамках обозначенной темы. Стоит отметить, что в числе изученного не были встречены методические разработки урока аналогично нашей. Слабая разработанность темы позволяет говорить об оригинальности работы, представленной в Приложении.

Заключение

В ходе исследовательской работы по изучению историко-философской концепции маркиза де Сада нами была рассмотрена историческая эпоха в ее мировоззренческом контексте, а также взяты во внимание биографические факты самого автора. Мы пришли к выводу, что именно среда просвещенческих идей оформила эпатажного и революционно настроенного в плане морали и нравов представителя своего времени как маркиз де Сад, вооружила его основными постулатами, руководствуясь которыми, он сформулировал в своих литературных трудах пространство грядущей реальности: «Никогда и никто не делал из физической этики материалистов таких парадоксальных выводов, как Сад. Гольбах, Гельвеций и Ламетри еще простодушно надеялись примирить физическую этику с чисто нравственной реформой человеческого существа, Сад же проникся убеждением, что эта этика с необходимостью вызывает к жизни принципиально новые тела, разрушающие не только известные тогдашним физиологам, но и все возможные организмы вообще» [39, с. 3]. Де Сад не только на страницах романов, но в собственной жизни реализовывал принципы утилитарной морали, доказывая тем самым, что является естественным звеном сложившейся системы.

В результате проведенного анализа текста романа мы установили бинарность его содержания: с одной стороны, он представляет собой произведение порнографического жанра, с другой, - историко-философское эссе. Связующую функцию выполняет единая сюжетная линия, построенная вокруг жизненных перипетий главного героя. Эротические подробности привлекают читателя, отважившегося открыть для себя столь скандальное произведение. При реализации гуманитарного эксперимента по применению коммуникативной теории исторического процесса к изучаемому тексту мы выяснили, что поведенческий для автора – либертен – прототип ситуативного человека, которых характеризуется безрелигиозностью, автономностью личности с присущим для нее приоритетом суверенных интересов,

повышенной приспособляемостью к внешним условиям, естественным условием которой является утилизация других особей человеческого вида.

Исследование, которое мы предприняли в заключительной главе основной содержательной части диплома, позволяет сделать вывод, что такая система складывалась на протяжении нескольких столетий, когда утилитаристский принцип только становился аксиомой человеческих отношений. Обращение к тексту Маркса в этой связи необходимо потому, что его социально-экономическое исследование раскрывает не только генезис капиталистических отношений и тайну первоначального накопления капитала, но и тайну зарождения внерелигиозной этики, расшифровывает генотип новоевропейского человека. На примере исследований классика социальной мысли мы видим, что эксплуатационные практики в их морально-этическом понимании оформлялись на рубеже XV-XVI веков и предшествовали «революциями» в сложившемся хозяйственно-экономическом укладе.

Возложив на себя функции антирелигиозного миссионера, автор рисует кровожадные фантастические образы: «А что, собственно, такое фантазия в ее высшем проявлении? Вовсе не создание вымысла, способствующего отдохновению. Фантазия — это то, что позволяет с помощью фрагмента реальности воссоздать ее целиком» [27, с. 24]. Альфонс Донасьен Франсуа де Сад сформулировал действительные принципы общественного устройства на рубеже XVIII – XIX веков, согласно которым, в рамках логики коммуникативной теории исторического процесса, человек легализует право на ситуативное поведение благодаря официальному расторжению отношений с Богом. «Полоумный» писатель наследует опыт предыдущих поколений, аккумулируя его в художественные образы. Однако это не случайный опыт, а последовательно накапливаемый в коммуникативной реальности, где стать случайным свидетелем невозможно.

Список источников и литературы

1. Архангельский, С. И. Аграрное законодательство Великой Английской революции 1643-1648 гг. / С. И. Архангельский — М. — Л, 1935. — 301 с.
2. Бабенко, В. Т. Этот прекрасный полоумный маркиз де Сад: Жизнь. Страсти. Творчество. / В.Т. Бабенко – Екатеринбург: У-Фактория, 2003. – 440 с.
3. Барт, Р. Сад. Фурье. Лойола / Пер. с франц. Б. М. Скуратова. – М.: Праксим, 2007. – 256 с.
4. Батай, Ж. Литература и Зло / Пер. с фр. И коммент. Н.В. Бунтман и Е.Г. Доиогацкой, предисл. Н.В. Бунтман. – М.: Изд-во МГУ, 1994. – 166 с.
5. Бланшо, М. Сад / Пер. с фр. В. Лапицкого // Маркиз де Сад и XX век. М., 1992. С. 47 – 88.
6. Бовуар, С. Нужно ли аутодафе? / Пер. с фр. Н. Кротовской и И. Москвиной-Тархановой // Маркиз де Сад и XX век. М., 1992. С. 133 – 169.
7. Бовуар, С. Нужно ли сжечь маркиза де Сада? / С. де Бовуар. Пер.с англ. Н. Кротовской и И.Москвиной-Тархановой // Философские науки. – 1992. – № 1.
8. Бойко, В. А. Уроки Дельбены, или маркиз де Сад: упразднение Другого / В. А. Бойко. // Критика и мемиотика. – 2013. – 1 (18). – С. 145 – 178.
9. Барт, Р. Сад. Фурье. Лойола / Пер. с франц. Б. М. Скуратова. – М.: Праксим, 2007. – 256 с.
10. Вебер, М. Избранные произведения: Пер. с нем. / Сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова; Предисл. П. П. Гайденко. — М.: Прогресс, 1990. —808 с.— (Социологич. мысль Запада). С. 44 – 271.
11. Вильчек, В. М. Алгоритмы истории / В. М. Вильчек. – М.: Аспект Пресс, 2004. – 210 с.

12. Винокурова, М. В. Мир английского манора: На материалах земельных описей графств Ланкашир и Уилтшир второй половины XVI – первой трети XVII вв.: дис. ... доктор исторических наук / М.В. Винокурова – Москва, 2003. – 529 с.
13. Вольтер, Ж. Бог и люди: статьи, памфлеты, письма: в двух томах / Вольтер; Академия наук СССР, Институт истории. – М.: Академия наук СССР, 1961– (Научно-атеистическая библиотека). Т. 1. – М., 1961. – 441 с.
14. Вольтер, Ф. А. Избранные произведения / Вольтер. – Москва: РГГУ, 1947. – 644 с.
15. Вяземский, Е. Е. Историко-культурный стандарт, единый учебник истории и школьное историческое образование / Е. Е. Вяземский // Преподавание истории в школе. – 2013. – № 9. – С. 3–10.
16. Гельвеций, К.А. Об уме // Гельвеций. Сочинения в 2 т. / Сост., общ. ред. и вступ. статья Х.Н. Момджяна. М.: «Мысль», 1973. – Т. 1. – С. 143 – 603.
17. Гольбах, П. А. Система природы, или о законах мира физического и мира духовного. Ч. 1 // Гольбах П.А. Избранные произведения в двух томах. Т. 1. М.: Изд-во соц.-эк. литературы, 1963. – С. 53-684.
18. Гуревич, А. Я. Культура средневековья и историк конца XX века /А.Я. Гуревич // История мировой культуры: Античность. Средневековье. Возрождение. – М., 1998. С. 246 – 247.
19. Дидро, Д. Избранные философские сочинения / Пер. и примеч. В.К. Сержникова. СПб.: М.И. Семенов, – 1913. – 318 с.
20. Ерофеев, В.В. Маркиз Де Сад, Садизм и XX век: [Электронный ресурс] // Lib.ru: журнал «Самиздат». 2003. URL: http://samlib.ru/v/victor_v_e/markiz_de_sad.shtml (дата обращения: 11.06.2017).
21. Ерофеев, В.В. Метаморфоза одной литературной репутации // Вопросы литературы. 1973. № 6. – С. 135–168.

22. Иеронова, И. Ю. Поэтика зла в романе де Сада «Жюстина, или Несчастья добродетели» / И.Ю. Иеронова // Художественное мышление в литературе XVIII – XX веков: Сборник научных трудов. – Калининград: Изд-во КГУ, 1996. – С. 58 – 66.
23. Кант, И. Ответ на вопрос: «Что такое просвещение?» // Кант И. Собрание сочинений: в 8 т. / под общ. ред. А. В. Гулыги. М., 1994. Т. 8. – С. 29 — 37.
24. Камю, А. Литератор / Пер. с фр. Ю. Денисова // Маркиз де Сад и XX век. – М.: Культура, 1992. — С. 170 – 182.
25. Клоссовски, П. Сад и революция / Пер. Г. Генниса // Маркиз де Сад и XX век. — М.: Культура, 1992. — С. 25—46.
26. Кузнецов, В. Н. Франсуа Мари Вольтер / В.Н. Кузнецов . – М. : Мысль, 1978 . – 223 с.
27. Лели, Ж. Садо-мазохизм Сада / Пер. с фр. Ю. Денисова // Маркиз де Сад и XX век. – М.: Культура, 1992. — С. 18 – 25.
28. Локк, Дж. Два трактата о правлении: [Электронный ресурс] // Электронная библиотека Гражданское общество в России. URL: https://docviewer.yandex.ru/?url=http%3A%2F%2Fwww.civisbook.ru%2Ffiles%2FFile%2FLokk_Traktaty_2.pdf&name=Lokk_Traktaty_2.pdf&lang=ru&c=576e3ec5dc47&page=57 (дата обращения: 20.06.2017).
29. Лотман, Ю. М. Внутри мыслящих миров // Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб.: Искусство – СПб., 2004. – С. 149–390. Маркиз де Сад и XX век: Сб. / Сост., сверка пер. и коммент. М. К. Рыклина — М.: РИК "Культура", 1992. — 256 с.
30. Маркс, К. Капитал / К. Маркс. – М., 1951. – Т.1 – 565 с.
31. Маркс, К. К критике политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. – 2-е изд. – Т.13. – С. 5 – 9.
32. Маркс, К. Нищета философии. Ответ на «Философию нищеты» г-на Прудона // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. /2-е изд. — Т. 4. — С. 65 – 185.

33. Морозова, Е. В. Маркиз де Сад / Е. В. Морозова. – М.: Молодая гвардия, 2007. – 338 с.
34. Нарский, И. С. Западноевропейская философия XVIII века: Уч. пособие. – М.: Высшая школа, 1973. – 304 с.
35. Перепелица, О.Н. Философия маркиза де Сада: перцепт и концепт на фоне нарратива/ О.Н. Перепелица //Международный журнал исследований культуры. – 2013. – № 1. – С. 48 – 51.
36. Пропп, В. Я. Проблемы комизма и смеха. Ритуальный смех в фольклоре // Науч. ред., комм. Ю. С. Рассказова / В.Я. Пропп — М.: Лабиринт, 1999. — 288 с.
37. Ревякин, А.В. Новая история, 1500-1800: учеб. для 7 кл. общеобразоват. учреждений / А.В. Ревякин; под ред. А.О. Чубарьяна; Рос.акад. наук, Рос. акад. образования, изд-во «Просвещение». – 2-е изд, дораб.- М.: Просвещение, 2006. – 255 с.
38. Руссо, Ж.-Ж. Эмиль, или О воспитании / Ж.-Ж. Руссо. — СПб.: Изд-во газеты «Школа и жизнь», 1913. — 489 с.
39. Рыклин, М.К. Нетки в зеркалах / Пер. с фр. Ю. Денисова // Маркиз де Сад и XX век. – М.: Культура, 1992. — С. 18 – 25.
40. Савчук, В.В. Режим актуальности. СПб., Изд-во СПбГУ, 2004. — 280 с.
41. Сад, Д. А. Ф. де. Жюльетта: Роман. Том 1 / Пер. с франц. М., 1994. – 554 с.
42. Сад, Д. А. Ф. де. Жюльетта: Роман. Том 2 / Пер. с франц. М., 1994. – 544 с.
43. Сад, Д. А. Ф. де. Учитель-философ // Сад Д. А. Ф. де. Собр. соч. М.: Арт-Бизнес-Центр, 1998. Т. 1 / Сост. и пер. с фр. Э. Браиловской. С. 54 – 56.
44. Сад, Д. А. Ф. де. Философия в будуаре / Пер. с фр. И. Карабутенко. М.: Проминформо, 1992. – 416 с.

45. Сапрыкин, Ю.М. Принцип индивидуализма в английской политической литературе XV-XVI вв. // Средние века. - 1975. - Вып. 38. С. 48 – 60.

46. Сапрыкин, Ю. М. В.И. Ленин о феодализме и генезисе капиталистических отношений в земледелии // Средние века. – 1960. – Вып. 18. С. 37-52.

47. Соколов, К.Б. Мифы об интеллигенции и историческая реальность Текст. // Русская интеллигенция. История и судьба. – М.: Наука, 1999. – С. 149 – 211.

48. Тимофеева, Н.В. «Философия в будуаре» маркиза де Сада – «апокрифическое евангелие» индивидуализма // Время. Личность. Культура. Спб., 1997. – С. 37 – 53.

49. Томас, Д. Маркиз де Сад: [Электронный ресурс] // Электронная библиотека ModernLib.Ru. URL: <http://lib.ru/INOOLD/DESAD/ds.txt> (дата обращения: 20.06.2017).

50. Уваров, П.Б. Коммуникативный формат как матрица исторического процесса // Традиционные общества: неизвестное прошлое. Материалы IV Междунар. науч.-практ. конф., 7–8 апреля 2008 г. – Челябинск: Изд-во Челяб. гос. пед. ун-та, 2008. – С. 44 – 63.

51. Уваров, П. Б. Причинно-следственные связи в истории как проекция ситуативных переживаний новоевропейского человека: опыт теоретической препозиции // Традиционные общества: неизвестное прошлое. Материалы XII Междунар. науч.-практ. конф., 11-12 мая 2016 г. – Челябинск: Изд-во Челяб. гос. пед. ун-та, 2016. – С. 50 – 65.

52. Уваров, П. Б. Ситуативный тип поведения: генезис, особенности, тенденции // Традиционные общества: неизвестное прошлое. Материалы VIII Междунар. науч.-практ. конф., 23-24 апреля 2012 г. – Челябинск: Изд-во Челяб. гос. пед. ун-та, 2012. – С. 43 – 48.

53. Уваров, П. Б. Экономика как мировидение и способ существования: историко-философская теорема // Традиционные общества:

неизвестное прошлое: материалы VII Междунар. науч.-практ. конф. 25-26 апреля 2011 г. / редкол.: Д. В. Чарыков (гл. ред.); О.Д. Бугас, А. И. Толкачев. Челябинск: Изд-во ЗАО «Цицero», 2011. – С. 53 – 57.

54. Уколова, В. И., Ревякин А. В. Всеобщая история. С древнейших времен до конца XIX века. 10 класс. – М.: Просвещение, 2013 г. – 368 с.

55. Французское Просвещение и революция / М.А. Кисель, Э.Ю. Соловьев, Т.И. Ойзерман и др. - М.: Наука, 1989. – 272 с.

56. Французские просветители XVIII века о религии / Государственное издательство политической литературы; под ред. Кузьмина Л. – 788 с.

57. Юдовская, А.Я. Всеобщая история. История нового времени, 1800 – 1900. 8 класс: учеб. для общеобразоват. Учреждений / А.Я. Юдовская, П.А. Баранов, Л.М. Ванюшкина. – М.: Просвещение, 2016. – 335 с.

58. Энафф, М. Маркиз де Сад: Изобретение тела либертена / Пер. с франц. Н.С. Мовниной; отв. ред. Д.Я. Калугин. – СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия», 2005. – 448 с.

59. Эрлихсон, И.М. История долгого и несчастливого брака: маркиз и маркиза де Сад (по мотивам «писем вечного узника») // Личность в истории Нового и Новейшего времени. Материалы Всеросс. науч.-практ. конф., 18 апреля 2014 года. – Рязань: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство «Концепция»», 2014. – С. 83 – 87.